

В.Ф. Познин

18+

Менщина на фоне...

Виталий Познин
Женщина на фоне...

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Познин В. Ф.

Женщина на фоне... / В. Ф. Познин — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Эта книга – несерьезный разговор о серьезном. О женщине на фоне истории, о женском и мужском мире, о сложных отношениях между ними. То есть о том, что интересно каждому. Вас ждут необычные истории из прошлого и настоящего, любопытные факты из жизни известных людей, исторические, литературные и кинематографические реминисценции.

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть I	8
Женские типы в античной мифологии и литературе	9
Женщина-ревнивица и женщина-собственница	13
Женщина, покорная судьбе	15
Женщина спонтанная	15
Женщина, способная на безумную любовь	16
Женщина-вакханка	19
Роковая женщина	19
Женщина коварная	20
Женщина-идеал	21
Женщина-амазонка	21
Женщина в древних цивилизациях	24
Женщина и христианство	29
Романтизация образа женщины в Средние века	34
Женщина в эпоху Ренессанса	41
От Ренессанса к Просвещению	44
Женщина в эпоху Просвещения	45
Женщина в новые времена	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Уважаемый читатель, перед вами не научный трактат и не лекция. Это живая беседа на тему, которая без сомнения будет интересно каждому.

Используя обширный исторический материал, примеры из художественных произведений, случаи из реальной жизни, автор увлекательно, и при возможности с юмором, в первой части рассказывает о положении женщины в разные эпохи, а во второй – размышляет о непростых отношениях между мужчиной и женщиной.

Вместо предисловия

Как утверждают ученые, история *homo sapiens*, то есть биологического вида, который можно назвать человеком, составляет всего лишь один, от силы два процента от всей биографии человечества, а история цивилизации – вообще какие-то жалкие доли процента. Так что неудивительно, что в нашей генетической памяти до сих пор сохранились кое-какие повадки далеких пращуров, несколько тысяч веков ходивших в шкурах и живших по законам естественных инстинктов.

Кстати сказать, акселерация, о которой заговорили в середине прошлого века (сегодня ученые пришли к выводу, что за последние 100 лет рост европейских мужчин увеличился в среднем на 11 сантиметров) – это фактически возвращение к первоначальному типу человека, еще не изуродованному последующими социальными изменениями.

По крайней мере, обнаруженные при раскопках первые европеоиды, которых ученые прозвали кроманьонцами (их останки были найдены в пещере Сто-Магпон), в среднем имели рост – 187 сантиметров. Возможно, их богатырское телосложение было результатом того, что жили они простой и естественной жизнью, не испытывали никаких комплексов. В том числе и в плане сексуальных отношений. Как только кроманьонец видел симпатичную кроманьонку, он тут же, без долгих разговоров вступал с нею в близкие отношения. То есть на заре человечества царил полный промискуитет. Так по-научному называется стадия (предполагаемая, конечно, поскольку ни письменных, ни устных свидетельств этому не сохранилось) беспорядочных спонтанных половых отношений, царивших в первобытном обществе.

Сексуальная анархия царила до тех пор, пока не возникли такие понятия, как брак и семья. Произошло это в тот период, когда на Земле наступил неолит, или новокаменный век. Именно в этот период, начавшийся порядка 11 тысяч лет назад, наши далекие предки, дабы защитить себя от непогоды и саблезубого зверья, начинают все чаще селиться в пещерах. И в это же самое время – вероятно, в силу замкнутого пространства – на Земле возникает некое подобие семьи. Правда, суть отношений между мужчиной и женщиной при этом не претерпела существенных изменений. Теперь мужчина, покорив одну приглянувшуюся ему женщину, обеспечивал ей сравнительно безбедное по тем временам существование. То есть добывал для нее и для себя пищу, устраивал более-менее сносное жилище, доставлял материал для согревания во время холодов (дрова, шкуры и т.п.). Женщина же растила детенышей, готовила еду, в общем, поддерживала семейный очаг. В свободное от этих дел время она занималась сбором ягод, злаков, лекарственных растений и прочей полезной, но гораздо менее тяжелой, чем у мужской особи, работой.

А когда возник матриархат и вообще был ли он на самом деле?

Мнения ученых на этот счет сильно разнятся. Некоторые считают, что матриархат точно был. И возник он, якобы, на начальном этапе развития культуры земледелия. Ведь у мотыжного, «огороднического» земледелия много общего с процессом собирательства, а именно этим всегда занимались женщины. А поскольку роль получаемых от земли даров природы теперь многократно возросла, то, соответственно, укрепились и положение женщины в первобытном сообществе. Кроме того, женщина, производившее на свет потомство, и сама по себе символизировала плодородие – у многих древних народностей понятие «мать земля, возвращающая брошенное в неё семя» ассоциировалось с женщиной, приносящей плод. То есть идея матриархата могла носить еще и сакральный характер: среди прочих религиозных представлений того времени одним из основных культов была **богиня Мать-прародительница**. Но поскольку прямых доказательств доминирования в те стародавние времена женского пола над мужским не обнаружено, то скептики смело заявляют, что матриархат – не более чем выдумка, ведущая начало от полуфантастических историй про амазонок и иных самодостаточных дам

тех далеких времен. Но мы думаем, матриархат все-таки был на Земле. Может, и не повсеместно, но кое-где был. По крайней мере, в Африке сохранились племена, где и сегодня доминирующую роль играют женщины. Просто по мере развития человечества мужчины, как существа более сильные физически и обладающие более изощренным умом, потихоньку вернули себе утраченные позиции. И после этого многие века мужчина так же, как и в древности, покорял женщину (делая это, конечно, более изощренными способами, чем его далекий предок) и обеспечивал ее материально.

Однако в последние сто лет в отношениях женской и мужской части населения начали происходить изменения, которые сегодня уже видны, что говорится, невооруженным взглядом. Женщины все энергичней начинают осознавать, что в процессе эволюции у мужчин накопилось гораздо больше прав и возможностей. И от этой мысли им делается горько и обидно. Как у всякой угнетенной стороны, у них начинает вызревать желание взять реванш и отплатить мужчинам за свое многовековое угнетение. А еще лучше – самим начать властвовать. И это неистребимое желание – выйти из-под власти мужчины овладевает умами все новых и новых поколений женщин.

В последнее время этот процесс пошел столь ускоренными темпами, что некоторые поговаривают уже о наступлении эпохи нового матриархата. Поэтому, думается, весьма актуально сегодня проследить, как в течение веков происходила эволюция женской психологии и отношений женщины с мужчиной.

Наш ненаучный анализ в значительной мере (за неимением иных источников) будет построен на дошедших до нас письменных документах: личной переписке, мемуарах и некоторых художественных произведениях разных эпох. Конечно, глубокой уверенности в том, что все эти источники точно и всесторонне освещают реальную жизнь своего времени, нет, но, тем не менее, они все же дают определенное представление о положении женщины в разные эпохи.

Итак, погрузимся вглубь веков, сконцентрировав наше внимание в основном на европейском континенте.

Часть I

Женщина на фоне эпох

О женщинах всегда найдется сказать что-нибудь новое, пока хоть одна из них останется на земном шаре. С. Буффле

Женские типы в античной мифологии и литературе

У язычников, каковыми являлись древние египтяне, греки и римляне, было, как известно, множество богов. И каждый из этих богов и божков, так сказать, курировал свой сектор земных забот, радостей и печалей. И потому судьба любого из смертных была как бы четко запрограммирована. Хотя рок роком, но эти божества вовсе не лишали человека возможности время от времени самому делать выбор. В пределах, конечно, отпущенных ему возможностей и предлагаемых вариантов. И античные авторы, описывающие перипетии своих героев, понимали, несмотря на присущий им самим фатализм, понимали, что судьбу нашу определяют не только боги, но и наши собственные страсти и страстишки. Скорей всего, дошедшие до нас мифы и легенды сочинялись женщинами. Что еще было делать им долгими темными вечерами? Мужчины занимались войной, политикой, а свободное время проводили в термах или возлежа на пирах. Женщины же оставались дома с детьми, и чтобы развлечь малышку, придумывали разные истории или пересказывали чужие сюжеты, добавляя в них новые живописные детали.

Но даже если допустить, что истории эти сочиняли мужчины, то эти сказители очень хорошо понимали, что мир женщины совсем иной, чем мир мужчины. В отличие от мужских персонажей, которые в легендах и мифах только и делают, что с кем-то сражаются, совершают подвиги, погибают, женщины там – живые, имеющие свой характер и нрав. Конечно, античный мир был в основном мужским миром, и женщина была заложницей этого мира, наполненного агрессией, борьбой за власть и за место под солнцем. Удовлетворением собственного тщеславия, желаний и прихотей. А человеческие прихоти, как заметил по этому поводу один мудрец, бывают порой попричудливей прихотей судьбы. Знакомство с древними мифами и легендами, а также с созданными позже на их основе поэмами и трагедиями дает нам основание сделать следующий вывод: да, женщины в них покорно принимают предначертания проживающих на Олимпе богов и подчиняются воле земных мужчин, но жизнь их все-таки во многом предопределяется их собственным характером и нравом.

Итак, попробуем выявить типы женщин, встречающихся в античных мифах и легендах.

Женщина-страдалица, женщина-жертва

Некоторые психологи считают, что люди, склонные к преувеличенным опасениям и тревоге, самым фактом постоянного ожидания чего-то недоброго и опасного то и дело будто притягивают к себе горе-злосчастье, а, столкнувшись с ним, воспринимают это как роковую неизбежность. Конечно, и среди мужчин всегда найдутся бедолаги, на которых, как на библейского Иова, сыплются, будто из дырявого мешка, всякие неприятности. Но, в отличие от мужчины, женщине-страстотерпице приходится в жизни гораздо тяжелее – по причине ее незащитности и гораздо большего количества претендентов на нанесение ей обид и огорчений. Поэтому женщина часто – лицо страдательное. Особенно когда происходят войны. Если внимательно прочтаете «Одиссею» и «Илиаду», то увидите, что там практически нет счастливых женщин. Самая же там несчастная и более всех обделенная судьбой – Гекуба.

Шекспировский Гамлет, искренне удивляясь самоотдаче актера, участвующего в исторической пьесе об осаде Трои, произносит в задумчивости: “Что он Гекубе, что ему Гекуба?”. А между тем действительно нельзя не посочувствовать несчастной жене троянского царя, на которую в короткий срок обрушилось столько страданий и бед. На ее глазах безжалостный Ахиллес (тот самый, у которого была уязвимая пятка), одолев в поединке ее любимого сына Гектора, зверски его закалывает. Мало того, этот героический грек начинает всячески глумиться над телом поверженного противника (верь после этого рассказам о гуманизме жителей Эллады!) Привязав труп Гектора к колеснице, он волочит его, как мешок с картошкой, вдоль крепостных стен Трои. Можно представить, что испытала несчастная Гекуба, наблюдая с крепостной стены, как колотится о камни безжизненная голова ее сына, как спадает с нее блестя-

щий шлем, украшенный конским хвостом, как превращаются в лохмотья его красивые одежды и как стелется за колесницей кровавый след. Мужу Гекубы Приаму после долгих переговоров с Ахиллесом с трудом удастся убедить пяtkоуязвимогo грека отдать ему тело сына для погребения. В конце концов Ахиллес соглашается отдать труп Гектора, но лишь за кругленькую сумму (что также характеризует мораль древних греков). Но потеря любимого сына для Гекубы – это лишь начало ее бед и печалей. Ей будет суждено пройти все круги ада, которые порождает война. В сражении с греками погибнет ее муж. Большинство ее многочисленных сыновей тоже падут на поле брани. На глазах матери принесут в жертву ее дочь Поликсену. Потом еще уведут в плен ее дочерей Кассандру и Андромаху и походя убьют ее любимого внука. Сама же Гекуба станет пленницей другого греческого «гуманиста» – Одиссея. Стоит только удивляться, что несчастная женщина после всего пережитого еще сохранила рассудок...

Чтобы несколько отвлечься от этих жутких событий, перейдем к сюжету менее драматичному и имеющему к тому же счастливый конец. Речь пойдет об истории красавицы Психеи. История эта настолько богата всевозможными сюжетными перипетиями, что современные драматурги могли бы сделать из нее «мыльную оперу» серий на двадцать. Если страдания, выпавшие на долю Гекубы, связаны с войной и от самой Гекубы в общем-то никаким образом не зависели, то неприятности, которые сопровождают Психею, в значительной степени следствие качеств, которыми наделена эта мифологическая красавица. Во-первых, наша героиня – заложница своих внешних данных. Она не просто соответствует стандартам красоты, а вызывающе красива. А такая красота, как известно, не только притягивает, но и отпугивает мужчин. Ведь среди мужских фобий, как выяснили психологи, есть и такая: страх быть отвергнутым женщиной. И мужчина, если он не обладает сверхславой, сверхбогатством или сверхнаглостью, невольно сторонится слишком красивой женщины, боясь получить с ее стороны решительный отказ. Или думает: “Ну, уж у такой-то красотки наверняка кто-нибудь есть” и тихонько обходит ее стороной. Поэтому, как это ни странно, красивые женщины нередко бывают одиночками. До поры до времени, конечно.

Впрочем, матримониальная проблема для Психеи скорее всего как-нибудь разрешилась бы. Если бы не одно серьезное обстоятельство: слух о неземной ее красоте дошел до Венеры. И, естественно, вызвал у богини жгучую ревность и черную зависть.

Помните дамочку из “Спящей царевны” А.С. Пушкина, которая, сидючи перед зеркалом, то и дело вопрошает: “Я ль на свете всех милее, и румяней и белее?” (Непонятно, правда, как можно быть одновременно и румяной, и бледной. Вероятно, под румянностью она имела в виду цвет ланит, а под белизной – мраморный тон всего остального). И Венера точно так же любила просиживать часами перед серебряным зеркалом, любуясь своим совершенством. И была страшно огорчена, когда ей доложили, что где-то появилась простая смертная, которая может смело тягаться с ней на любом конкурсе красоты. Долго не раздумывая, Венера тут же затевает интригу с целью поскорей избавиться от конкурентки. Конечно, не вмешайся в ее личную жизнь Венера, Психея вряд ли испытала бы столько приключений и невзгод. И, тем не менее, боги – богами, но нельзя не заметить и того, что наша героиня частенько попадает в ситуации, сулящие ей неприятности, по собственной вине. Точнее, по причине своих чисто женских качеств – в частности, из-за легковёрности и неумеренного любопытства. Помните, что губило жен Синеи Бороды? Конечно же, их любопытство. Ведь женщине невтерпеж выяснить, что к чему, когда ей говорят: “Это нельзя! Этот ящик не открывай! Этот ключик не бери!» Или: “Дорогая, я тебе потом об этом расскажу”. В результате венериних козней Психея, так сказать, изолируется от общества, но вполне гуманным способом – она попадает в чертоги неведомого хозяина. Поскольку он не позволяет ей на себя даже взглянуть, а является лишь ночью, в полной темноте, то девушка начинает предполагать (и тут ее можно понять), что она попала в лапы существа с не очень красивой внешностью, а то и вообще какого-нибудь чудища, (припомните аналогичную историю в «Аленьком цветочке» нашего К. Аксакова).

К тому же недобрые сестрицы Психеи, завидуя ее красоте и тому комфорту, с каким она устроилась, активно поддерживают эту версию. И однажды ночью, когда ее невидимый обожатель, утомившись от любовных утех, прилег отдохнуть, сгораемая от любопытства Психея тихонько встала и зажгла светильник. К своему великому удивлению, она обнаружила, что на ее ложе почивает неземной красоты юноша. От переполнивших ее душу чувств нежная ручонка девушки дрогнула, и капля раскаленного масла упала со светильника на спину ее таинственного любовника. И поскольку Психея нарушила условие Венеры ничего не пытаться узнать, Амур (а это был он), горестно вздохнув, распустил свои крылышки и улетел неведомо куда. История, надо сказать, весьма поучительная: если хочешь, чтобы любовь длилась долго, никогда не переходи тонкую красную линию, отделяющую близость от фамильярности, дружеский тон от небрежности и заботу от назойливости. Ибо в отношениях между мужчиной и женщиной всегда должна существовать небольшая дистанция, оставаться некая тайна, загадка, недосказанность...

Второй раз неумное любопытство подводит Психею в тот момент, когда она, выполняя поручение коварной Венеры, отправляется в путь с волшебной шкатулкой, в которой якобы лежат средства для возрождения красоты. На самом деле, со стороны Венеры – это очередная проверка и провокация. Хорошо зная женскую натуру, богиня вместо волшебного зелья поместила в шкатулку дурманящий газ. И как только сгораемая от любопытства Психея открыла ящичек, газ вырвался наружу, Психея потеряла сознание – и все пошло по второму кругу. Правда, в конце концов, все ее лишения вознаграждаются, и наша героиня, как в голливудских хеппи-эндах, находит все-таки счастье в союзе с Амуром (не зря их дочь получила имя Блаженство). Надо сказать, это одна из немногих мифологических историй со счастливым концом. Гораздо чаще личная жизнь у античных героинь складывается не столь благополучно.

Вспомним историю Данаи, отцу которой по имени Акрисий было предсказано, что его внук займет его место. Казалось бы, этому Акрисию радоваться надо, что трон достанется родному человеку, а не какому-нибудь постороннему типу. Ан нет, Данаин папа зачем-то решил бороться с судьбой. И, чтобы не допустить появления на свет внука-конкурента, заточил свою единственную дочуру в медную башню, где она не могла иметь никаких контактов с внешним миром. И сидеть бы несчастной Данае в этой огромной консервной банке до скончания века (уж до климакса точно), если бы однажды не навестил ее там не знающей удержу в своих эротических фантазиях Зевс. Главный бог, как известно, явился ей в виде золотого дождя, что красиво изображено в бессмертных творениях известных художников. Можно себе представить неподдельное удивление Акрисия, когда в один прекрасный (но не для него) день он услышал вдруг гулко раздающиеся из медной бочки пронзительные крики грудничка. Тут бы ему, Акрисию, и смириться. Понятное дело – без вмешательства богов тут точно не обошлось. Но этот упрямец, кипя от возмущения, велит поместить Данаю вместе с сыном, коего успели наречь Персеем, в деревянную бочку, законопатить и засмолить это новое узилище Данаи ее и швырнуть в море.

Опять припомним Александра Сергеевича, описавшего в сказке про царя Гвидона аналогичную ситуацию:

В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в Окиян...
Тучка по небу идет,
Бочка по морю плывет...
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.

Наконец, злополучную бочку волны прибывают к берегу, и наши герои оказываются в царстве некоего Полидекта. Полидект принимает спасенных мореплавателей со всем радушием. А увидев красивую незнакомку, млеет от восторга и восхищения. И, конечно же,

страстно влюбляется в незнакомку. Надо думать, что и Даная готова была ответить своему спасителю взаимной симпатией. Но, увы, на пути счастья наших героев становится сынок Данаи Персей. Вероятно, за время странствий по морю-окияну он так привязался к мамке, что не захотел делить ее ни с кем. Можно сказать, это был своего рода пресловутый “эдипов комплекс”, который откроет две тысячи лет спустя Зигмунд Фрейд. И безмерно любившая выстраданного своего единственного сына Даная безропотно подчинилась его воле.

Ситуация, которая и в наши дни случается не так уж редко. Как верно заметил по этому поводу А. Доде, «муж не всегда находит педаль, приводящую в действие клавиатуру женской души, любовник порой тоже терпит неудачу, сын же никогда. В скорбной повести без любви, так часто являющейся уделом женщины, сын – всегда герой, ему отводится первая, главная роль». Можно сказать, что в данном случае не боги, а именно Персей выступил в роли злого рока, разрушившего личное счастье матери.

Пытаясь, как сказали бы нынче, «разрулить ситуацию», Полидект отправляет юношу подальше, поручив ему провести весьма рискованную операцию. Возможно, он втайне надеялся, что Персей с порученным делом не справится. Но тот, выполнив задание, благополучно возвращается и с помощью отрубленной им головы Медузы Горгоны (он пользовался ею направо и налево, как инженер Гарин своим гиперболоидом), чей жуткий взор он направляет на Полидекта, превращает того в камень... Такая вот грустная история о том, как умная, добрая и красивая женщина осталась одна. Сначала благодаря своему папаше, потом – своему эгоистичному сыночку.

А вот кто стал жертвой в самом прямом смысле этого слова – так это знаменитая Ифигения. Ей тоже не повезло с папашей. Папой ее был Агамемнон. Тот самый, что возглавлял осаду несчастной Трои. Когда-то в молодости этот персонаж браконьерил в священной роще, принадлежавшей богине охоты Артемиде. И подстрелил там на ужин красивую лань. Но это еще полбеды. Главное, что при этом наш горе-охотник не удержался и хвастливо воскликнул: “Такому выстрелу могла бы позавидовать сама Артемиде!” Вторжение наглеца в свои владения Артемиды, может быть, еще кое-как стерпела, но эта его наглая похвальба переполнила чашу ее терпения. Богиня заявила во всеуслышание, что это дело она так просто не оставит. Перетрухнувший Агамемнон, дабы не обострять отношений с Артемидой, тут же дал обет принести в жертву богине первый плод урожая. И даже, наверное, потом чего-нибудь из овощей на жертвенный алтарь в тот день положил. С той поры минуло лет шестнадцать. Агамемнон уже успел окончательно позабыть историю с ланью, с Артемидой и своим обетом. Но когда руководимый им флот, который должен был транспортировать его героических воинов на осаду Трои, не сдвинулся с места, потому как все паруса повисли, как половые тряпки, Агамемнон смекнул, чьих это рук дело. Поразмыслив как следует, он припомнил, что «первым плодом» в тот роковой год стала появившаяся на свет в тот самый день, пока он шастал в заповеднике Артемиды, его дочь Ифигения. Долго не раздумывая, этот вояка велел тотчас приволоочь несчастную к жертвеннику. (Опять же заметим: оригинальные все же были нравы в Древней Греции). Чтобы усыпить бдительность дочери, коварный папаша придумал легенду, что он, якобы, прежде чем отправиться на войну, хотел бы повести ее под венец с красавцем и героем Ахиллесом. Покорную отцовской воле Ифигению, как положено, стали обрядить в новые наряды. Ее, правда, несколько удивил и смутил цвет свадебного одеяния – вроде бы и белого, но с сильным шафрановым отливом. Это сегодня такой наряд был бы пискom моды. А в те времена подобный цвет символизировал смерть, поскольку считалось, что именно такой колер имеют одежды, которые носят мертвые в подземном царстве Аид. Ифигения подивилась фантазии своего папы, но, покоровшись его воле, пришла в назначенное место. Ее тут же быстренько уложили на жертвенный алтарь, и Агамемнон собственноручно перерезал ей горло, как какой-нибудь овце.

Правда, по другой, более оптимистичной версии, в последний момент Артемиды все же сжалилась над несчастной Ифигенией и подменила ее ланью. По крайней мере, такой вариант

придумал Еврипид. Он же сочинил гениальный поворот этого сюжета. По воле спасшей ее Артемиды, Ифигения, оказывается в Тавриде (то есть в нынешнем Крыму), где ей почему-то вменяется в обязанность приносить в жертву потерпевших крушение моряков. Дескать, от судьбы не уйдешь: Посейдон тебя не достал, так на земле тебя, голубчика, прикончат. (Вот откуда идея жутковатого фильма «Пункт назначения»!). Таким образом из жертвы Ифигения превратилась в палача. Особенно эта девица обожала отправлять на тот свет своих земляков – греков. И даже чуть было не прикончила приплывшего к ней родного брата Ореста. Вот к чему приводит жестокость отцов по отношению к дочерям...

Женщина-ревнивица и женщина-собственница

Самый ревнивый мифологический персонаж – это, конечно же, Гера (ее римский аналог – Юнона), жена главного из богов – Зевса (Юпитера). Кстати, по одной из версий она одновременно была и сестрой Громовержца (инцест в античности был обычным делом). Как женщина добродетельная, Гера вовсе не хотела кровосмешения и поначалу отвергала все притязания и грязные намеки со стороны главного бога. Но этот хитрец превратился в кукушку и сделал вид, что беспомощная птаха ищет прибежища на пышной груди Юноны. Короче, овладел девушкой обманным путем. Правда, повел себя благородно и тут же предложил ей руку и сердце.

Но сердце у него оказалось переменчивым и любвеобильным, так что неутомимая ревность Юноны была вовсе не лишена оснований: ей постоянно сообщали о том, что ее сексуально озабоченный муженек в очередной раз завел шашни с какой-нибудь земной красавицей.

Причем эротическая фантазия Юпитера не знала предела. То он появлялся в виде красивого юноши, то в виде лебедя, то быка, то золотого дождя. Всевидящая Юнона рано или поздно узнавала об очередной интрижке своего муженька и каждый раз жестоко мстила. Но почему-то не мужу-изменщику, а несчастным соблазненным им женщинам – Ио, Севеле, Эларе и др. Причем мстила изощренно и коварно, находя в этом прямо-таки садистское удовольствие.

Вспомним хотя бы историю несчастной Семелы.

Эта Семела, как и другие соблазненные Юпитером земные красавицы, была царской дочерью. Соблазнять красавиц простого сословия Юпитер считал, видно, ниже своего божественного достоинства. Причем питал слабость исключительно к дочерям аргосских царей.

Так вот, когда Юноне сообщили, что у ее муженька очередное увлечение, она тут же подкатилась к соблазненной Семеле (к ней Юпитер являлся под видом земного красавца), приняв обличье Семелиной старушки-кормилицы и выведала у наивной девушки, что та ждет ребенка от юноши, перед красой и щедростью которого не смогла устоять. Юнона, услышав это, еле сдержала себя, но тут же придумала для соперницы изощренное наказание. Она (то есть старушка-кормилица) сказала, что знает достоверно про то, что это вовсе никакой не юноша, а сам Юпитер. А если она, Семела, этому не верит, то пусть сама проверит. И глупенькая Семела, когда ее поклонник в очередной раз явился в ее покои, взяла с него клятву (так ее подучила кормилица-оборотень), что он непременно выполнит ее просьбу.

Считая, что ему все по силам, Юпитер с готовностью согласился. Семела же попросила, как ее подучила богиня-оборотень, чтобы он в следующий раз обязательно пришел в своем подлинном обличье. Юпитеру после данной им клятвы отступать было некуда, и он действительно явился по всей форме и во всем блеске, то есть с громом и молниями. Отчего Семелина светлица мигом запылала, и несчастная девушка задохнулась в дыму...

Вообще отношения Зевса (Юпитера) и Геры (Юноны) – это, можно сказать, модель отношений античного мужчины и античной женщины. Мужчине позволено все, жена же обязана быть верной. Она может позволить себе лишь тихо ревновать и, в крайнем случае, вымещать свою досаду на объектах симпатии мужа.

Надо сказать, идея верности в античных мифах постоянно сталкиваются с идеей семьи и идеей свободной любви. Известный сюжет с яблоком раздора – это фактически столкновение двух этих идей. Делая выбор между тремя божественными дамами: Афиной, олицетворяющей целомудрие, Герой, символизирующей крепость брака, и Афродитой, защитницей свободной любви, Парис выбирает Афродиту. И Афродита развязывает свой пояс, подобно тому, как невеста развязывает пояс на тунике в первую брачную ночь. Две же другие богини, олицетворяющие благонравие и крепкий брак, тут же становятся на сторону греков против похотливых варваров – троянцев, потому что Парис, вручивший яблоко (символ любви, ставший вдруг символом раздора) Афродите, – один из них.

Другой образ не знающей удержу ревнивицы, вдохновлявший впоследствии многих поэтов, драматургов и композиторов – Медея. Эта дочь колхидского царя страстно полюбила появившегося в их краях красавца Ясона. Даже узнав о том, что Ясон вступил с нею в связь с целью похитить знаменитое золотое руно, она настолько любит его, что готова простить ему это и ради своей любви готова пойти на любое преступление. Она помогает Ясону выкрасть пресловутое руно, убив при этом своего младшего брата. Мало того, она еще и разбрасывает куски его тела на дороге, чтобы замедлить движение преследователей, которые естественно останавливались, подбирая в ужасе то, что осталось от юноши. Короче говоря, Медея делает все, чтобы помочь своему возлюбленному спастись. И можно понять ее чувства, когда она узнает, что Ясон, по-видимому, пресытившись ее навязчивой любовью (а может быть и просто из карьерных соображений), решает жениться на дочери коринфского царя. Он не понимал, что, как поется в известной песне, будит “вулкан страстей”. (Хотя уже поведение Медеи в Колхиде могло бы его насторожить).

Пораженная изменой мужа и черной его неблагодарностью, покинутая Ясоном Медея начинает мстить. Мстит она жестоко, ужасно и методично. Сначала хитроумным способом уничтожает невесту Ясона, потом убивает собственными руками двух рожденных от Ясона сыновей. В общем, полный ужас и кошмар. Вот до чего можно довести соблазненную и покинутую страстную женщину...

Что касается образа женщины-собственницы, то есть женщины желающей, чтобы мужчина принадлежал только ей (а кто из любящих женщин этого не хотел бы?), то олицетворением такого типа стала нимфа Калипсо. Семь лет удерживала она на своем острове Одиссея, скрывая его от остального мира. И, наверное, ей было хорошо и спокойно, потому как ревновать ей своего любимого на необитаемом острове было не к кому. Хрустальная мечта любого страстно любящего человека. Но, как известно, таким способом счастья долго не удержишь. Что и случилось с Калипсо. Кстати, цифра семь – весьма роковая цифра для семейной жизни, поскольку, как считают психологи, через семь лет совместной жизни наступает очередной кризис в отношениях, который далеко не все способны преодолеть.

Женщина преданная

Преданность и верность почитались в античности, как, впрочем, и во все другие времена, одной из главных женских добродетелей.

Но поскольку верность как таковая дает мало пищи для драматических коллизий и перипетий, то истории такого рода не очень богаты сюжетными поворотами. Поэтому мы просто перечислим несколько мифологических женщин, верных и преданных до конца своему мужу.

Символ беспредельной и жертвенной любви – Алекстида. Она настолько любила своего мужа Адмета, что пожелала вместо него сойти в царство мертвых. Очевидно, у этого Адмета оставались еще какие-то неотложные дела на земле.

Любовь и преданность дочери Эола Алкионы своему мужу тоже были столь велики, что когда ее любимый не вернулся из плавания, она в отчаянии бросилась в пучину моря, поглотившего ее супруга.

И, конечно же, образцом женской верности остается Пенелопа, преданно ожидавшая своего неизвестно где болтавшегося двадцать лет супруга и под разными предложениями отказывавшая своим многочисленным воздыхателям.

Правда, самое интересное (а именно – то, как будут общаться эти супруги после двадцатилетней разлуки) Гомер, что говорится, оставляет за кадром.

Стоит также обратить внимание и на такой момент. Одиссей, как известно, в своих многолетних странствиях не терял времени даром и при первой возможности удовлетворял свои сексуальные потребности. Но почему-то с остервенением и жестокостью истребляет всех Пенелопиных женихов, которые даже не были ее любовниками, а просто предлагали ей руку и сердце. Нет, странные все-таки были этические нормы у этих гармоничных эллинов.

Женщина, покорная судьбе

Женщины такого типа обычно идут на поводу обстоятельств, спокойно принимают любое изменение в их судьбе и так же быстро привыкают к очередному мужчине, с которым их эта судьба сводит.

Один из таких античных образов – Андромаха. Она горячо и преданно любит своего мужа Гектора, имеет от него сына. Но вот муж ее погибает, Троя разрушена. И Андромаха, став пленницей некоего Неоптолема, преспокойно следует за этим оккупантом в Грецию, где рождает ему трех сыновей. После гибели Неоптолема, недолго погоревав, Андромаха выходит замуж за Гектора, брата покойного Неоптолема. Впрочем, возможно, каждого из этих мужчин, с которыми она соединялась помимо своей воли, Андромаха по-своему любила. В общем, античный прототип чеховской Душечки.

Женщина спонтанная

Речь идет о таком типе женщин, для которых характерны неожиданные и, казалось бы, немотивированные поступки. Они могут совершать их в порыве страсти или какого-то непонятного им самим импульса. Такой тип женщин все чаще будет встречаться в Европе, начиная с XIX века, в древности же это было весьма редким явлением. Поскольку античные мужчины, как правило, быстренько подавляли бунт на семейном корабле.

Пожалуй, лишь в истории с Коронидой можно увидеть откровенный взрыв чувств, изменяющий привычную и, в общем-то, благополучную жизнь женщины. Эта Коронида была возлюбленной самого Аполлона. Казалось бы, о чем еще может мечтать женщина, которую любил не просто бог, а само олицетворение мужской красоты? Ан нет! Видно, чего-то недоставало Карониде в этом любовном союзе. Наверное, уж слишком пресным и слащавым был этот Аполлон. И Коронида, уже ожидавшая от Аполлона ребенка, вдруг изменяет ему с простым смертным Исхисо.

Причем она прекрасно осознает, что за это ее может ожидать самая суровая кара со стороны Олимпа. Надо сказать, это очень редкий для мифологии сюжет – внезапно нахлынувшая на женщину неудержимая страсть со всеми вытекающими из этого последствиями. А последствия были весьма трагичные. Сгорая от ревности, Аполлон в состоянии аффекта схватил лук, с которым он никогда не расставался, и пронзил ею сердце Корониды смертоносной стрелой. И лишь когда приблизился к бездыханной возлюбленной, понял, что он погубил самое дорогое, что было в его жизни.

Кстати, сына Аполлона и Корониды называли Эскулапом. Это был самый искусный врач, который даже научился оживлять людей. Наверное, потому, что знал печальную историю своих родителей.

Женщина, способная на безумную любовь

Это то, что психологи назовут “синдромом Адели” – по имени несчастной дочери великого В. Гюго, всю жизнь преследовавшей не отвечающего ей взаимностью мужчину. На самом деле подобные истории случались гораздо раньше. Характерно, что в античные времена эти сюжеты имеют сугубо мифологический, скорей даже сказочный характер.

Одна из них – история дочери Океана Клитии повествует о том, как эта девушка влюбилась без ума в Гелиоса. Увы, любовь ее оказалась без взаимности. Клития думала о любимом день и ночь, а когда вдруг встречала его, то не могла оторвать от него глаз. В конце концов, несчастная Клития превратилась в цветок гелиотроп, постоянно поворачивающийся за солнцем (Гелиосом). Очень красивая история. Действительно, мы готовы смотреть на того, кого любим, без конца.

Похожая история произошла и с нимфой Эхо, которая влюбилась в совершенно не обращавшего на нее внимания влюбленного в собственное

изображение Нарцисса. Она влюбилась настолько, что не только без конца смотрела на него, но и повторяла каждое его слово. В конечном итоге бедняжка иссохла от безнадежной и неразделенной любви и вскоре стала лишь отзвуком, эхом.

Но заикленные на своем предмете обожания женщины в греческой мифологии далеко не всегда столь безропотны и трепетны, как Клития или Эхо. Некоторые мифологические девушки, не встретив ответного чувства со стороны объекта своего обожания, готовы на месть и коварство в отношении отринувшего их мужчины.

Скажем, Тисифона, одна из эриний (богинь мщения), долго сохла по царю Киферону, без конца проявляя по отношению к нему всяческие знаки внимания, но не могла вызвать в нем ответного чувства. Когда она окончательно поняла, что соблазнить его – дело безнадежное, то хитростью и коварством заманила его к себе и удавила несчастного своими волосами. Как говорится, так не достанься ж никому!

А вот супруга танинфского царя Прета Сфенебея (по другим источникам – Алтея) поступила еще более изощренно. Воспылав страстью к некому Беллерофону, она, как ни старалась, не смогла вызвать у него взаимного чувства. Как нередко случается не только в мифологии, но и в реальной жизни, подобная апатия со стороны объекта, породившего страсть, может толкнуть обожателя этого объекта на не очень благородные поступки. Так и случилось со Сфенебеей. В порыве мстительного чувства она оклеветала несчастного Беллерофонта, и Прет отправил его к своему зятю, который должен был прикончить несчастного, но зять этот по трезвому размышлению пришел к выводу, что в данной истории не так уж все ясно, и пощадил молодого человека.

Широкой публике более известна аналогичная история Федры, второй жены легендарного Тесея. Того самого богатыря, что совершил уйму подвигов, в частности, зашиб изувера Прокруста, а потом с помощью Ариадны убил Минотавра, пожиравшего регулярно посылаемых ему жертв. От Тесея у Федры родилось двое детишек. А вот третий, старший ребенок был у Тесея от другой женщины – от царицы амазонок Ипполиты. То есть был Федре пасынком. Как положено у амазонок, свое имя он получил от матери и стал называться Ипполитом.

История самой Ипполиты настолько драматична и поучительна, что заслуживает отдельного рассказа. Вкратце суть ее такова. Когда Геракл и Тесей одолели амазонок, Тесей увез с собой в Афины их царицу. Так сказать, в качестве трофея. И случилось так, что Ипполита всей душой привязалась к своему завоевателю. У женщин это бывает. Между тем, амазонки решили освободить свою несчастную, как им казалось, царицу. И очень удивились, когда увидели, что Ипполита сражается против них плечом к плечу с Тесеем. За что ее и прикончили.

Сын погибшей амазонской царицы Ипполит в глубине души, конечно, считал, что Тесею поступил с его матерью не очень благородно, и, вероятно, сублимировал эту скрытую неприязнь к отцу на его новую жену Федру. По крайней мере, относился к мачехе с явной прохладцей, а порой вел себя с ней не только отчужденно, но и вызывающе враждебно. Что, конечно, Федру очень угнетало. И она стала делать все возможное, чтобы вызвать к себе симпатию Ипполита. И постепенно так увлеклась этим процессом, что сама не заметила, как страстно влюбилась в своего пасынка.

Несчастливая Федра долго и бесплодно боролась с внезапно нахлынувшим на нее чувством. Наконец, не в силах совладать с собой, она призналась Ипполиту в своей любви. Целомудренный Ипполит, который, возможно, в глубине души тоже испытывал к молодой мачехе определенные чувства, тем не менее, решительно отверг все ее попытки к сближению. И тогда, видя, что никакой надежды на взаимность нет, преисполненная отчаяния Федра покончила с собой.

Но при этом, движимая чувством обиды за то унижение и бессилие, которое она испытала, Федра решила самой своей смертью отомстить пренебрегшему ею мужчине и правила письмо Тесею, в котором поведала о том, что с нею произошло. Но с точностью до наоборот. То есть будто бы это не она страстно полюбила Ипполита, а пасынок воспылал к ней порочной страстью и насильно овладел ею. После чего она, дабы избежать позора, вынуждена была покончить с собой.

Разгневанный Тесею, безумно огорченный гибелью любимой женщины, не стал долго разбираться. Не пожелав слышать никаких объяснений сына, он велел ему навсегда убраться прочь с его глаз. Но и этого ему показалось мало, и Тесею обращается к Посейдону с просьбой покарать Ипполита. Бог морей посылает в качестве киллера морского быка, который внезапно появившись на дороге, так перепугал коней, запряженных в колесницу Ипполита, что те понесли сломя голову вдоль моря. Кончилось все тем, что колесница свалилась со скалы и несчастный, ни в чем не повинный Ипполит разбился насмерть... Увы, подобные грустные истории о любви и коварстве будет происходить во все времена и во всех странах. (Вспомните хотя бы библейскую историю о Прекрасном Иосифе).

Справедливости ради следует заметить, что когда случается зеркальная ситуация, то есть женщина отвергает любовь мужчины, то с ней особо не церемонятся. Например, стоило нимфе Питис уклониться от ласк Пана, как этот страшноватенький лесной бог тут же превратил несчастную в сосну. Как говорится, либо Пан – либо пропал. Точнее – пропала. Или возьмем случай с Кассандрой, чье имя мы привыкли отождествлять с образом пророка, которого никто не слышит. Наслал на нее это проклятие никто иной, как бог любви Аполлон, который был по совместительству покровителем муз и богом пророчества. Аполлон страстно влюбился в Кассандру, и чтобы соблазнить девушку, пообещал наделить ее даром провидения. Кассандра согласилась вначале, но, как это нередко случается с женщинами, потом передумала. Наверное, ей, как и Корониде, не очень по душе пришелся этот красавчик. И вот тут-то Аполлон повел себя с девушкой совершенно не по-мужски. Он плюнул ей в рот и пожелал, чтобы ни один смертный не верил ее пророчеству. Что, увы, как вы знаете, сбылось.

Поскольку с древних пор мужчина должен был покорять женщину, то тема борьбы полов, покорения женщины, укрощения ее капризного и переменчивого нрава тоже появилась уже в античных мифах. И прежде всего это миф об Аталанте.

Когда Аталанта была еще в утробе, родители ее были уверены, что у них непременно родится сын. И, возможно, именно это обстоятельство в известной мере повлияло на характер Аталанты. К тому же ее папаша, разочарованный тем, что его ожидания не сбылись, тут же отказался от Аталанты. Наверное, сдал ее в какой-то приют или сдыхал дальним родственникам (мнение матери, как положено было в те времена, никого не интересовало), и брошенная на произвол судьбы Аталанта кое-как дожила до совершеннолетия.

Потом у нее возникло естественное желание взглянуть на своих биологических родителей. Она сумела их разыскать их, и, что характерно, не стала упрекать их в том, что они поступили с ней столь жестокосердно. Что говорит о ее благородстве и широте души. Родители же, наоборот, не только не раскаялись в своем гнусном поступке, но тут же принялись подыскивать объявившейся дочери богатого жениха. Может быть, хотели хоть таким образом, пусть запоздало, но искупить свою вину. Хотя, скорее всего, решили поскорее отослать снова эту непокорную девушку куда-нибудь подальше вместе с ее мужем, либо поиметь что-нибудь от новоиспеченного зятя.

Аталанте, привыкшей к самостоятельной жизни и сполна испытавшей самодурство папаши, вовсе не улыбалось связать свою судьбу с первым попавшимся мужчиной. И она выдвинула встречное неременное условие: каждый жених должен вначале посостязаться с ней в беге, и лишь тот, кто перегонит ее, будет вправе претендовать на ее руку и сердце. Того же, кто проиграет состязание, будет ждать неминуемая смерть. Поскольку Аталанта, вынужденная выживать в суровых условиях, имела хорошую физическую подготовку, то состязаться с ней было не так-то просто. К тому же, судя по всему, жизнь сделала эту девушку мужененавистницей, да еще с признаками латентного садизма. Судя по всему, Аталанта, была необычайно хороша собой, потому что сразу объявилась куча претендентов на ее руку и сердце, уверенных, что уж женщину-то они наверняка смогут обогнать. Но не тут-то было. Состязания проходили каждый раз по одному алгоритму: Аталанта давала обогнать себя очередному незадачливому жениху, и когда тот радостный мчался уже к финишу, она быстренько догоняла его и всаживала в его спину нож. После нескольких таких забегов список лиц, претендовавших попасть в прайм-лист женихов, резко сократился. И все же нашелся один смельчак по имени Меланион (по другим данным, Гиппомен), решивший испытать судьбу. Впрочем, этот юноша был не промах и прежде чем предпринять рискованный шаг, получил по знакомству дельный совет от Афродиты. Этот хитрец во время бега стал незаметно бросать впереди себя на беговую дорожку золотые яблочки, предвидя последствия этой акции. И не ошибся – в Аталанте пробудилось женское начало, и она стала подбирать падающие время от времени красивые драгоценности. Между тем Меланион (он же Гиппомен) неся вперед и, в конце концов, выиграл рискованное соревнование и стал мужем Аталанты. Эти муж и жена, в общем-то, стояли друг друга. Взаимное их влечение оказалось столь страстным, что однажды они, не удержавшись, предались любви в храме Зевса. (Возможно, столь странное их поведение было одной из форм девиации, которая известна нынче под названием “любовь под страхом”). Поскольку подобное кощунство почиталось тогда страшным грехом, наши влюбленные жестоко заплатили за свою неудержимую страсть – они были превращены богами во львов. Что, впрочем, вполне соответствовало их бурным темпераментам. (Кстати, в истории Абеяра и Элоизы, как мы увидим чуть позже, есть похожий эпизод: влюбленные, встретившись после долгой разлуки, предаются плотской любви чуть ли не в алтаре храма).

Аналогичную игру со своим женихом вела и будущая мать Ахиллеса Фетида. Вначале она всячески избегала тактильных контактов с влюбившимся в нее Пелеем и превращалась, в зависимости от приходившей в ее очаровательную головку очередной эротической фантазии то в огонь, то в воду, то в львицу, то в змею. В конце концов, Пелею все же удалось овладеть ею, после чего свадьба уже было не миновать. Правда, не остывшая еще, видно, от любовной игры, Фетида тут же затеяла интригу с “яблоком раздора”, который подкинула ей не приглашенная на свадьбу богиня раздора Эрида (помните, у Шарля Перро аналогично поступит потом фея из «Спящей красавицы»?). Вся эта интрига, как известно, закончилась кровавой Троянской войной, в которой активное участие принял сын Фетиды Ахилл. Такая вот поучительная причинно-следственная связь.

Женщина-вакханка

Поскольку античный человек, ценивший каждый миг не очень продолжительной в ту пору жизни, любил при любом удобном случае веселиться и наслаждаться, то в мифах постоянно встречается тип женщины-вакханки. Этот тип жизнелюбивых гедонисток, для которых смысл жизни составляют постоянное веселье, эротические забавы, а также взбадривающее их винное возлияние, похоже, существовал всегда и благополучно дожил до наших дней.

В дионисийских празднествах, как известно, принимали участие женщины, изображавшие самых разных нимф – менад, дриад, наяд, nereид и прочих лесных, водяных и луговых духов женского рода. Но наиболее энергичными и даже агрессивными в своем веселье считались менады. Эти особы терпеть не могли, когда рядом с ними оказывались персонажи, не разделяющие их праздничного настроения. Вспомните печальный конец однолюба Орфея, которого вакханки-менады разорвали на кусочки только за то, что он не захотел примкнуть к их веселью и к их буйным пляскам, потому что жил воспоминаниями о своей любви к навсегда потерянной им Эвридике, тоже, надо сказать, лесной нимфе.

Богиней, которой поклонялись вакханты, была Стимула. Имя, говорящее само за себя. Потому что главной ее функцией было побуждать, стимулировать участвовавших в вакханалиях к неистовству и полной сексуальной раскрепощенности.

Характерно, что все мифологические мужчины, неоднозначно относящиеся к другим персонажам женского пола, обычно выражают так или иначе безоговорочное восхищение красотой, грацией и естественностью поведения нимф, наяд и прочих раскованных девиц, участвующих в дионисийских игрищах. А само слова «нимфа» до сих пор обозначает молодую очаровательную (и желательно незамужнюю) женщину, готовую пойти под покровительство Афродиты, то есть без долгих размышлений предаться плотской любви.

Роковая женщина

Что касается так называемого типа роковой женщины, то он войдет в моду в литературе и искусстве лишь в XIX-XX в.в. (Кто-то остроумно заметил, роковая женщина – это интеллектуальная стерва, что в определенной мере соответствует действительности). Но ведет свое начало такой тип женщин от знаменитой прекрасной Елены, дочери Зевса и Леды и царицы Спарты. Напомним эту историю тем, кто давно не перечитывал, а, скорее всего, вообще не читал Гомера.

История, в общем-то, довольно темная и запутанная. Богиня Эрида (богиня раздора), как уже было сказано, обиделась, что ее не пригласили на свадьбу Пелея и морской богини Фетиды, решила устроить мелкую пакость. Она подкинула гостям этой самой свадьбы золотое яблочко с надписью *kallisto* (прекраснейшей). После чего начался олимпийский конкурс красоты, в финал которого вышли Гера, Афина и Афродита. За окончательным решением они обратились к Зевсу. Но тот сразу отказался от почетной миссии. Может быть, потому, что в числе претенденток была его жена. А может быть потому, что понимал, что с женщинами в такой ситуации лучше не связываться. В общем, он передал это дело в независимую комиссию, возглавляемую неким Александром, якобы сыном пастуха. На самом же деле это был удаленный за какие-то провинности от дворца царевич Трои Парис. Дальнейшее развитие событий широкой публике в общих чертах известно. Хитрая Афродита предложила Парису своего рода взятку в виде самой прекрасной и желанной женщины. Для Париса такой женщиной была обожаемая им Елена, которой он страстно желал обладать. Несмотря на то, что она, вроде, уже была женой Менелая.

Вообще с этой Еленой Прекрасной связаны сплошные интриги и передраги. Вначале Тесей (это было еще до истории с «яблоком раздора»), плененный ее красотой, в порыве неумеренной страсти похищает ее. Скорее всего, не без ее согласия. Братья Елены быстро находят авантюрную сестрицу и возвращают ее домой. Несмотря на ее сомнительное приключение с Тесеем, на руку красавицы по-прежнему претендует уйма греческих героев: Менелай, Одиссей, Аяксы, Диомед и пр. В конце концов, наша героиня на этом этапе становится женой Менелая. Далее же события развиваются следующим образом: после истории с «яблоком раздора», увлекшись очарованным ею Парисом, Елена, бросив мужа, бежит с любовником на родину Париса, то есть в Трою. После чего все ее воздыхатели дружно объединяются и в порядке компенсации ущемленного мужского самолюбия развязывают знаменитую Троянскую войну. После того как Парис погибает, Елена, долго не раздумывая, становится женой его брата. Когда же Троя, несмотря на героическое сопротивление, все же падёт в результате хитрости и коварства греков, Елена преспокойно возвратится с простившим ее Менелаем в родную Спарту...

Женщина коварная

Если “роковая женщина” неудержимо влечет к себе мужчин и часто их меняет, заставляя безумно страдать тех, кого она оставила, то такой тип, как коварная женщина предает мужчину целенаправленно и умышленно. Ее цель – завладеть его имуществом, властью или просто соединиться с другим, любимым мужчиной. Это тип женщины с сильным характером, готовой добиться своего любым способом. Из этой неугомонной породы выйдут леди Макбет, Катерина Измайлова и героини многочисленных американских эротических детективов. А уж сколько их сегодня в реальной жизни – не сосчитать.

В античной литературе один из выразительных характеров подобного рода – Клитемнестра, супруга уже упоминавшегося Агамемнона и, кстати, родная сестрица Елены Прекрасной.

Пока муж Клитемнестры осаждал Трою, эта дамочка не теряла времени даром и вступила в интимную связь с неким Эгисфом. Эгисф этот очень полюбился ей благодаря различным его мужским достоинствам. Своего же супруга она, судя по всему, не только не любила, но и тихо ненавидела. И, надо сказать, не без оснований. Как помните, Агамемнон собственными руками прирезал их общую дочь Ифигению. Да и саму Клитемнестру этот мужлан в свое время взял в жены насильно. И как только подвернулся удобный момент, Клитемнестра решила от него избавиться.

Готовиться к преступлению она начала заранее: дозорным был дан наказ неустанно смотреть в сторону Трои, чтобы когда на холмах запылают костры (так Агамемнон должен был сообщить о своей победе и благополучном возвращении), немедленно ей доложить. Что и было сделано. Когда наш утомленный герой пошел помыться в натопленную баньку, там уже все было приготовлено для того, чтобы отправить его в царство теней. После того как преступление все-таки вскрылось, хитрая Клитемнестра, дабы оправдать свой, мягко говоря, неблагоприятный поступок, изобразила дело так, будто убила мужа из ревности. Будучи, так сказать, в состоянии аффекта. (Состояние аффекта и в те времена рассматривалось как смягчающее обстоятельство). К тому же Агамемнон действительно был небезгрешен – он привез с собой в качестве трофея плененную им красивую девицу Кассандру. (Кстати сказать, безжалостная Клитемнестра ее тоже отправила в Аид вслед за Агамемноном. Несчастливая пророчица, предсказавшая войну из-за Елены и предупреждавшая наивных троянцев о крупных неприятностях, которые их ждут, если они втащат в город деревянного коня, увы, не сумела предвидеть собственную гибель). Расправившись со своим супругом и неудачливой пророчицей, Клитемнестра начала править Микенами. Естественно, вместе со своим любимым Эгисфом, ради которого она всю эту кашу и заварила. Правда, как тот преступник, у которого еще сохраняются остатки совести, она все время жила в ожидании возмездия. Что ей очень портило жизнь.

И предчувствие ее не обмануло. Вернувшийся в Микены подросший сын Агамемнона Орест, узнав всю правду, тут же прикончил коварную Клитемнестру, то есть свою родную маму (хотя убийство матери в античности считалось самым тяжким грехом). Ну и, само собой, заодно пришел ее возлюбленного.

Если вдуматься, то вся история этой семейки (Агамемнон с Клитемнестрой и их дети – Ифигения и Орест) свидетельствует о том, что зло неизбежно порождает зло. Символом же женского коварства в чистом, так сказать, виде, считаются легендарные сирены, сладкоголосые женщины-русалки, которые своим пением усыпляли бдительность мужчин, забывающих при этом о своих кораблях и обо всем на свете. Что для них плохо кончалось. Только хитроумный садомазохист Одиссей придумал, как получить от сирен удовольствие и при этом не пострадать: он велел матросам заткнуть уши, а самого себя – привязать крепко-накрепко к мачте, чтобы он мог получить удовольствие от представления, которое устроили сирены, и при этом не броситься в смертельные объятия морских красавиц.

Женщина-идеал

Видя, что вокруг столько сладострастниц, обманщиц и стяжательниц, мифологические мужчины естественно мечтали об идеальной женщине, что отразилось в знаменитой истории о Пигмалионе и Галатее.

Пигмалион был по первой и основной своей профессии вовсе не скульптором, как полагают некоторые, а царем. Правил он небольшим, но симпатичным островом под названием Кипр. Это был период, когда тон и моду всему на этом замечательном острове задавали местные гетеры и прочие дамочки не очень высоких нравственных качеств, и Пигмалион после общения с ними сильно разочаровался в женщинах. Можно даже сказать, стал женофобом. Однако по натуре он был романтиком, идеалистом и хотел верить, что где-то на свете все же есть женщина, которую можно искренне полюбить и ради которой можно отдать душу. И в свободное от царской работы время начал ваять из слоновой кости женскую статую. Ну, это просто так говорится, что из слоновой кости. Это же все-таки не маленькая статуэтка была, а женская фигура в полный рост. Так что, надо полагать, он просто покрывал мрамор слоновой костью.

Короче говоря, Пигмалион рукотворно изваял идеальный образ женщины. И тут же горячо его полюбил. Но на этом царь-скульптор не остановился и однажды, принося очередную щедрую жертву Венере, робко намекнул, что больше всего на свете хотел бы встретить девушку, похожую на эту статую. И что если богиня снизойдет к его просьбе, то счастьем его не будет предела. Венера, которой некогда было заниматься анализом творчества Пигмалиона, а тем более выступать в роли представителя брачного агентства, поступила просто и мудро: она тут же оживила Галатею (так назвал ваятель свою мраморно-костяную скульптуру) и удалилась. Дальше, мол, решайте свои проблемы сами.

О том же, что было дальше, после того как идеал с пьедестала обожания спустился на грешную землю и стал женщиной во плоти, миф умалчивает. Сообщается лишь, что у Пигмалиона и Галатеи родилась дочь, которую они почему-то называли Пафос.

Хорошо, если Венера вдохнула в Галатею ту душу, о которой мечтал Пигмалион. А если вдруг ожившая статуя оказалась такой же стервой и профурсеткой, как и большинство жительниц его острова?..

Женщина-амазонка

И последний тип женщин, который непременно следует упомянуть, поскольку сегодня женщин, отстаивающих свою самостоятельность, предостаточно, – это амазонки.

В старину амазонками называли племя, жившее на побережье Черного и Азовского морей. То есть в будущих южнорусских степях. Археологи даже нашли недавно следы их пребывания неподалеку от нынешнего Таганрога. Согласно легенде, состояло это племя из одних лишь женщин. Мужчин же они выбирали сами. И приглашали их вовсе не для любви, а исключительно для исполнения репродуктивной функции. То есть для продолжения рода. Причем, если рождался мальчик, то его за ненадобностью тут же отдавали отцу. (Правда, непонятно, где они потом находили этого отца. Ведь не пребывал же он в их лагере все девять месяцев).

По другой версии, амазонки похищали приглянувшегося им мужчину или юношу и, убившись, что забеременели от него, тут же его убивали. (Именно так поступают самки одного из вида пауков). Родившихся мальчиков они якобы тоже убивали. Или топили, как котят.

Вообще-то трудно поверить в такое откровенное пренебрежение законами матери-природы. Видно, очень уж насолили самым первым амазонкам мужчины, коль скоро они поклялись держаться от них подальше. Девушки эти были настроены весьма воинственно. Они защищали не только себя, но и могли оказать военное содействие соседям, если те их звали на помощь. Так, они помогали троянцам во время их войны с греками. Своим напором, внезапностью появления и дикими воплями они однажды посеяли такую панику в рядах греков, что те побежали сломя голову куда глаза глядят. Положение спасло лишь хладнокровие Ахиллеса. Он так удачно метнул копье, что поразил предводительницу этой странной кавалерийской атаки – царицу амазонок Пенфесилию (Пентесилию). После чего амазонки в панике разбежались. Ахиллес приблизился к поверженной царице, поднял закрывавший ее лицо шлем и был так поражен красотой женщины, что сразу же влюбился в нее. Позабыв про сражение, он склонился над Пенфесилией и стал громко сетовать на то, что судьба обошлась ней и с ним столь жестоко и несправедливо. Красивая сцена. Прямо для оперы. Или живописного полотна. Впрочем, согласно другой, более оптимистичной версии (как видите, и в ту далекую пору уже был многовариантный подход к развязке сюжета), Пенфесилия выжила. И даже стала женой нашего героя, который, видно, излечил ее своей любовью от мужененавистничества и амазонских повадок.

Закljučая наш небольшой познавательный экскурс в мифологию, отметим, что древние греки любили почему-то делить все объекты и явления на четыре категории. Не потому, что у них не был десятиричной системы, а, наверное, потому что эта цифра, как ножки стола или кровати, производила впечатление устойчивости и солидности. Точно так же они поделили женские типы на следующие четыре категории.

1. Дочери Афины. Сюда попали женщины более-менее рационального склада ума, не склонные к страстным и спонтанным порывам, взвешивающие возможные варианты последствия своих слов и поступков и старающиеся принимать разумные решения. Они способны дать разумный совет мужчине и при желании могут заниматься науками.

2. Дочери Геры. Это женщины, которые любят дом и все, что с ним связано. Они с удовольствием ухаживают за мужем и детьми, ведут домашнее хозяйство и стараются везде, где бы они не появлялись, создавать комфорт и уют.

3. Дочери Афродиты. Понятно, что это женщины, для которых на первом месте любовь, красота, внешний эффект. Они женственны, соблазнительны, красивы, всегда окружены обожанием и восторгом мужчин. Они могут быть ветренными, но могут быть и верными, в зависимости от того, какие мужчины встретятся на их пути.

4. Дочери Фурии. В древнеримской мифологии Фурия – это богиня мести. В древнегреческой мифологии был целый сонм фурий, которых римляне называли эриниями. К этой категории относятся женщины вздорные, сварливые, либо легко возбудимые и готовые всегда перечить мужчине. Сегодня к этой категории можно, наверное, отнести и тех, кого принято именовать «стервами» или «роковыми женщинами».

Понятно, что в чистом виде все эти четыре категории, как и четыре темперамента, встречаются не часто, но греки, вероятно, определяли женский тип, исходя из доминирования в характере женщины тех или иных качеств.

Вот собственно и все. Можно было, конечно, говоря о том или ином женском архетипе, существующем в мифологическом пространстве, продолжить аллюзии и ассоциации и показать, как они появлялись потом в мировой литературе, но мы позволили себе сделать это лишь в некоторых местах, предоставив читателям самим припомнить, в каком романе или рассказе они встречали схожие ситуации, характеры, судьбы...

Женщина в древних цивилизациях

А теперь поговорим не о вымышленных персонажах, ставших героинями мифов, легенд и сказаний, а о реальной жизни женщин, живших 2-3 тысячи лет тому назад. На эту тему написано много специальной литературы, поэтому мы обозначим здесь лишь штрихами жизнь женщин Древнего Египта, Древней Греции и Древнего Рима.

Человеческая цивилизация принесла с собой появление письменности, что, как известно, сразу способствовало прогрессу во всех сферах человеческой жизни. В том числе и в оформлении брачных уз: отношения между мужчиной и женщиной стали строиться не только на устной договоренности и взаимном доверии, но и начали закрепляться законодательными актами.

Правда, закон и реальная жизнь, как известно, далеко не всегда корреспондируют между собой. Например, в Древнем Египте, где, можно сказать, впервые начинает бродить призрак феминизма, мужчина и женщина, согласно закону, имели равные права.

Но это только на словах. На деле же, несмотря на провозглашенное гендерное равноправие, мужчины, будучи сильным полом, нередко со своими дамами общались с позиции силы. В самом буквальном смысле. Недавно в Египте было обнаружено не известное доселе древнее захоронение. Осмотрев внимательно женские скелеты, археологи подивились странным изменениям у них суставов кистей рук. Привлекли к изучению останков медиков-антропологов и даже судмедэкспертов. И те, и другие единодушно пришли к выводу, что египтянки, судя по всему, частенько вынуждены были прикрывать своими нежными ручонками самое слабое место, а именно голову. И скорее всего – от ударов своих разгневанных супругов.

Основная масса египетских женщин находилась в откровенной материальной зависимости от мужчин. Ведь сфера деятельности, в которой женщина могла работать, получая хоть что-то за свой труд, в ту пору было крайне узкой. Например, древним египтянкам позволено было заниматься искусствами. Музыцировать там или плясать. И все бы хорошо, если бы подобная творческая деятельность не предполагала, как правило, занятие по совместительству одной из древнейших женских профессий. В качестве, так сказать, приложения к основному занятию. Что, увы, порой встречается и в наши дни в определенных заведениях.

В Вавилоне и некоторых других странах выбор профессий для женщины был чуть пошире. Как и сегодня, женскими специальностями там считались парикмахерское дело и торговля в лавочках. Ну, еще можно было работать пряхой, ткачихой, поварихой, уборщицей и т.п. Девушки, дававшие обет безбрачия и целомудрия, могли служить при храмах. Встречались также женщины-писари. Ведь женский почерк всегда был аккуратней и изящней мужского. А некоторые вавилонские дамы занимались даже коммерцией, и, как утверждают очевидцы, весьма успешно. Так что бизнес-вумэн – тоже отнюдь не новое явление.

Что касается собственно брачных отношений, то вначале на Востоке дело с этим обстояло так: все, кто хотел, становились фактически мужем и женой. Без всяких там формальностей. И, соответственно, юридических последствий. Мало того, вплоть до второго тысячелетия до нашей эры на Востоке решительно доминировала полигамия.

Однако постепенно моногамный брак все же начинает превалировать. В том же древнем Вавилоне, представленном в Библии таким символом разврата, закон позволял иметь всего лишь одну законную жену. (Правда, при этом мужчине не запрещалось иметь сколько угодно побочных жен и наложниц). Аналогично обстояло дело и в других восточных и юго-восточных странах.

Говоря о египтянках, мы не зря упомянули феминизм. Египетские женщины действительно были предтечей современных дам, решительно заявивших о своем полном равенстве с мужчинами. Правда, тогда равенство трактовалось не столько в плане социальном, сколько в морально-этическом. Например, египетские дамы могли позволить себе явным образом ока-

зывать знаки внимания особе противоположного пола, то есть проявлять такую же, как и мужчины, активность в установлении любовного контакта. Они могли, подобно Татьяне Лариной, первыми объясниться письменно и даже назначить понравившемуся мужчине свидание.

Вообще древний Египет подбрасывает нам сегодня все новые и новые загадки и сенсации. Если раньше там находили в раскопках только лишь изображения женщин, занятых традиционно женскими делами – пестованием отпрысков, сельхозработами и домашними делами, то недавно археологами были обнаружены изваяния женщин, которые, судя по всему, занимали руководящие посты. В частности, откопали скульптурку, изображающую женщину-главу деревенской общины. Что же касается женщин во власти верховной, то тут всем сразу приходит на ум египетская царица Клеопатра. Имя упомянутой дамы сделалось известным, в основном благодаря ее интимным связям с двумя знаменитыми римлянами – Цезарем и Антонием. Эти ее ставшие достоянием широкой публики амурные истории, происходили всего за несколько десятилетий до начала нашей эры. Но мало кто знает, что гораздо раньше, а именно за полторы тысячи лет до нового летоисчисления, в течение почти пятисот (!) лет на вершине власти в Египте находились сплошь одни женщины. Возможно, египетские мужчины обладали не таким крепким здоровьем, нежели так называемый слабый пол, и уходили в мир иной раньше своих жен, так что последним просто не оставалось ничего другого, как занять царский трон в качестве регентов при детях-фараонах. Но интересно, что и эти дети тоже частенько отправлялись в мир иной, не успев достигнуть совершеннолетия. Вполне вероятно, что властолюбивые и весьма энергичные дамы каким-то образом помогали мужчинам, претендующим на трон, раньше времени отбыть в царство теней. Как бы там ни было, на примере Египта видно, что женщины, как нынче принято говорить, во «властных структурах» были во все времена.

Продолжая тему взаимоотношений женщин и мужчин, заметим, что в большинстве древних цивилизаций, включая античность (и прежде всего Древний Рим), женщина до замужества считалась собственностью отца, а после замужества – мужа. Причем отношения жены с мужем в античности были довольно своеобразными. Например, героические спартанские мужчины, переходя в женатое состояние, практически мало что меняли в своих былых повадках и привычках. Так же, как и до женитьбы, основное внимание они уделяли своим делам и забавам. В общем, как поется в известной нашей песне, жили, по принципу, «ну, а девушки – потом». Когда подгулявший муженек после дружеской попойки или другого приятного времяпрепровождения заявлялся домой, на улице стояла уже непроглядная темень. И супруг, чтобы не тревожить ближних, на ощупь находил спальню и в потемках заваливался на супружеское ложе. Не зря великий Плутарх, говоря о спартанцах, ехидно заметил, что те обзаводятся детьми, ни разу не увидав жену при дневном свете. Что же касается женщин той поры, то они в своем собственном доме чувствовали себя затворницами, которым редко позволялось покинуть кров, фактически ставший для нее тюрьмой. Женщина не должна была посещать театр или присутствовать на олимпийских играх. Да и просто выйти на улицу она могла лишь в определенных, строго лимитированных случаях. Где уж тут развивать интеллект и повышать свой культурный уровень! Насмешливые слова Плутарха об интимных отношениях спартанцев со своими женами с полным основанием можно отнести и к той модели физической близости между супругами, что доминировала в ту пору у многих древних народов. Дело в том, что любые сексуальные контакты в дневное время строжайше запрещались. По крайней мере, это воспринималось как своего рода извращение. Безнравственными считались также прилюдные поцелуи и даже просто нежное прикосновение мужчины и женщины друг к другу на виду у других людей. Полностью раздеваться во время интимной близости тоже считалось дурным тоном. Полагалось, чтобы в это время на женщине непременно должно было быть хоть что-то надето. (Впрочем, кто знает, может быть, это просто было формой сексуального возбуждения?) Что же касается проституток, то этим особам во все времена и эпохи позволялось обнажаться донага. Показывать, что говорится, товар не только лицом.

Теперь кое-что о жизни древних греков. Как мы знаем из учебников, эллины воспринимали мир гармонично. Повсюду, где только можно, они искали красоту и гармонию. И очень талантливо воспроизводили ее в искусстве. Но в семейных отношениях эту самую гармонию у них можно было обнаружить крайне редко. Если верить первоисточникам, то в Греции, как и в Спарте, в аристократических мужских кругах было весьма распространено преклонение – и отнюдь не всегда платоническое – не столько перед красотой женщин, сколько перед изяществом пятнадцати-шестнадцатилетних мальчиков, а, проще говоря, педерастия. Причем, это вовсе не считалось чем-то безнравственным, а даже, наоборот, почиталась чуть ли не хорошим тоном и всеобщим правилом. Основной причиной дисгармонии в семейных отношениях было то, что брачные союзы между детьми богатых граждан заключались чаще всего по экономическим или политическим соображениям. Поэтому сексуальная гармония в браке была скорее исключением, чем правилом. Так что не стоит удивляться тому, что греческие мужья половое удовлетворение находили в интимном общении с гетерами или с мальчиками. Что же касается греческих женщин, то у античных авторов очень редко можно найти восторженные слова в их адрес. Зато сплошь и рядом встречаются высказывания совершенно противоположного свойства. Причем независимо от интеллектуального уровня и социального положения античных мужчин. Благородные древнегреческие мужи нередко называли своих подруг неразумными, сексуально озабоченными и ущербными существами. Простолюдины тоже не могли удержаться от того, чтобы не попенять на своих жен. Так, один крестьянский поэт, живший в восьмом веке до нашей эры, писал мрачно: “Тому, кто женится, покоряясь судьбе, возможно, удастся найти добрую и здравомыслящую жену. Но даже в этом случае он увидит, что зла в его жизни больше, чем добра”. То есть склонные к философии греки, женитьбу и женщин воспринимали тоже философски – мол, это неизбежное зло, к которому надо относиться стоически, как к непогоде или стихийному бедствию. Это подтверждает и изучившая основательно данный вопрос известная английская феминистка Барбара Смит: «Сравнение женщины с природой можно рассматривать как ее унижение, но только в том случае, если общество негативно относится к самой природе. Древние греки как боялись диких природных сил, так и восхищались ими; так же двояко относились они и к женщине, способной и к рождению, и к разрушению цивилизации». («Женщины в легендах и мифах», М., Крон-Пресс, 1998).

Справедливости ради следует заметить, что среди написанных мужьями из средних сословий эпитафий на надгробьях их безвременно ушедших из жизни жен можно встретить очень трогательные надписи. Возможно, это делалось из приличия. Либо в мужьях пробудилось запоздалое чувство раскаяния и сожаления об утрате. Но вполне может быть, что это были вполне искренние слова любви и признательности.

Римские мужи в отношении к женщинам мало чем отличались от греков. Мужчины из высших слоев общества точно так же, как греческие нобили, чаще всего не испытывали никакого пиетета перед дамами и позволяли на их счет еще более резкие высказывания, чем греки. “Женщина – это тупоголовое и неуправляемое животное, и нельзя вручать ей поводья и ожидать, что она не перевернет колесницу”. Эти слова произнес как-то в сердцах известный своей строгостью блюститель древних нравов цензор Катон-старший. Поставил, так сказать, зарвавшихся римских матрон на место. Изрек он это после того, как дамы завели речь о равноправии и свободе. Тем не менее, именно древние римляне, будучи нацией более рациональной и стремящейся жить по закону, внесли много нового в правовые отношения между мужчинами и женщинами. В частности, это коснулось имущественных прав. Вначале римские женщины не могли выступать в качестве наследниц. Правда, и в этот период данный закон при желании можно было обойти: чадолюбивые отцы отдавали или завещали часть своего имущества другу, чтобы тот передал его полностью или по частям любимой дочери после папиной смерти. А дальше, как вы понимаете, все зависело от порядочности друга, этого неформального опекуна. Можно только представить, сколько коллизий и перипетий возникало на этой почве.

Но так было поначалу. Со временем же кто-то из законодателей догадался узаконить то, что фактически уже существовало, и женщины Древнего Рима получили законное право наследования. Материальная же независимость, как мы выяснили, – основа и независимости духовной. Что же касается брака, то в Риме существовали целых три его разновидности. Первые два вида брака походили на наши брачно-свадебные обряды. Разница была лишь в размере финансового вклада в данные мероприятия. А вот о третьей форме брака стоит поговорить подробнее. Называлась она *usus*. Вполне возможно, что русские “узы” произошли именно от этого римского словечка. (Заметим попутно, что в русский язык каким-то образом внедрилось немало латинских слов почти в том же фонетическом варианте, как у римлян (дом, сон, луна, овца, баня, око, воля, морда и др.). Так вот, этот самый *usus* был своего рода прототипом широко распространенного сегодня так называемого “пробного брака”. При таком варианте формальный брак заключался лишь после года совместной жизни мужчины и женщины. Но мог и не заключаться. Ибо неведомый нам законодатель внес в этот обычай один весьма существенный момент: согласно установленным «правилам игры», брак временный и не имеющий юридических последствий, мог становиться законным лишь в том случае, если мужчина и женщина проживали этот год непрерывно бок о бок. Если же кто-то из них отлучался хотя бы на три дня, отсчет испытательного годового срока начинался сызнова. Так что тот, кто не хотел заключения формального брака, мог тянуть время сколько угодно, пока у его партнера не лопалось терпение. Правда, если появлялись дети, то брак из пробного, естественно, становился настоящим.

Кстати, недавно один из участников очередного телевизионного ток-шоу предложил ввести институт испытательного брака. Приходят, мол, желающие стать мужем и женой в ЗАГС, там им выдают временный документ, и они начинают жить вместе, как муж и жена. Если за истекший год, как говорится, слюбилось-стерпелось, то их уже «брачуют» по-настоящему. Если нет – то по-хорошему расстались. Как сказал по этому поводу поэт, была без радостей любовь, разлука будет без печали. Но если в оный срок у пары появился младенец, то в любом случае испытательный брак объявляется настоящим. Такая вот мысль, которая всем показалась страшно оригинальной и новой. А на самом деле, как мы видели, эта идея была апробирована две с лишним тысячи лет назад. Лишний раз можно убедиться в том, что новое – это хорошо забытое старое. Раз уж мы отклонились от генеральной темы, то поговорим еще немного о преемственности обычаев, обрядов и традиций. Дело в том, что процедура свадебного обряда, разработанная римскими жрецами, спустя сотни лет почти полностью будет перенята христианской церковью.

Обычно свадьбе в Древнем Риме предшествовала помолвка. Во время помолвки жених давал невесте в знак верности обручальное кольцо и подарки. Кольца, которыми обменивались жених и невеста, были поначалу железными. Это как бы символизировало крепость брака. Для свадебного обряда выбирался не абы какой, а самый счастливый и благоприятный день. В частности, благоприятной для данной акции считалась почему-то вторая половина июня. Неблагоприятными считались весь май (вот откуда идет суеверие, что в мае жениться – весь век маяться!) и первая половина июня. Перед торжественным обрядом невеста снимала поутру свое девичье платье, имевшее особый покрой, и надевала гладкое длинное, ниспадавшее до самого пола белоснежное одеяние. Грациозно накинутая на голову палла (это был вариант нынешней фаты) окаймляла лицо невесты, оставляя открытыми волосы, разделенные пробором на две пряди. Новобрачные соединяли правые руки, обменивались кольцами, надевая их на безымянные пальцы левой руки. Далее следовало приношение жертв на домашнем алтаре. Существовал также и дошедший до наших времен обряд похищения невесты. Находя и освобождая свою суженую, мужчина как бы доказывал свою силу и ловкость. В Риме этот обычай возник, возможно, как иллюстрация легенды о похищении сабинянок. Так что считать, что обряд похищения невесты – чисто русский, нет никаких оснований. Вечером при свете

факелов и при звуках флейт невесту провожали в дом мужа. За невестой несли прялку и веретено как символы домовитости. Через порог празднично украшенного дома жених переносил невесту на руках (тоже сохранившийся до наших дней обряд). Это делалось для того, чтобы не побеспокоить демонов. В знак начала совместной жизни молодые вместе зажигали факелами огонь в очаге. Затем следовало свадебное пиршество с музыкой и пением свадебных песен. После свадебной ванны дружка невесты вводила молодую первой в спальню покои. Потом туда отправлялся жених. Наутро молодой супруг устраивал трапезу, и родня и гости подносили молодым подарки. Средний возраст невест в ту пору был – 14-15 лет, и эта традиция соблюдалась довольно долго. Так что несколько не стоит удивляться возрасту шекспировской Джульетты, которой было в пору ее романа с Ромео всего 14 лет. (Правда, теперь и у нас закон разрешает нашим акселератам вступать в брак с четырнадцатилетними). Что же касается молодых людей, то они, как правило, могли вступать в брак, лишь отслужив в армии.

Римские женщины императорского периода и периода упадка Рима, как мы знаем, не могли похвастаться высокой нравственностью. Известный историк той поры Тацит отмечал с горечью, что господствующим пороком, который охватил в то время почти все слои римского общества, было необузданное сладострастие. Ибо для проявления чувств и получения удовольствий стало больше возможностей и простора. «Не управляемое больше никаким сдерживающим началом и увлекаемое общим ходом римской жизни, которая представляла тогда собой печальное явление разрушения общественной нравственности, оно (любовное чувство. В.П.) легко переходило в невоздержанную страсть... Никогда женская страсть не возрастала до таких страшных размеров, никогда падения не были так поразительны своей ужасающей быстротой, своею роковой неизбежностью... В этом разгаре страстей утвердилось лишь одно постоянное – эгоизм. Никогда действие этого червя не бывает так тлетворно, как если он поселится в женском сердце: тогда он подтачивает в самом корне те самые свойства, которые составляют не простое лишь украшение женщины, но самую сущность ее женской природы» (П.Н. Кудрявцев. Римские женщины. Исторические рассказы по Тациту. СПб., 1913).

И то, что римские женщины (имеются в виду, конечно, особы из высших сословий) позволяли себе гораздо больше свобод и оказывали на своих мужчин гораздо большее влияние, чем их современницы из других стран, ни к чему хорошему, как мы знаем, в конечном итоге ни привело. Привыкшие жить в роскоши, матроны и менее благородные дамочки постепенно делали смыслом жизни приобретение ими все новых и новых вещей. Потому что для женщины важно не просто приобретение новой вещицы, а такой штуковины, какой нет ни у кого из ее приятельниц и соседок. Шкатулки и гардеробы матрон постоянно заполнялись дорогущими украшениями, редкими тканями, заморской парфюмерией. Все это доставлялось из разных концов света за весьма немалую цену. А поскольку женская зависть и тщеславие не знают предела, то всякое новое поколение женщин хотело переплюнуть предыдущее, успешно разоряя своих несчастных мужей и любовников. Некоторые исследователи античности склонны видеть одну из главных причин падения Римской империи именно в том, что римские женщины своей ненасытной жадой роскоши и наслаждений пригробили некогда богатое государство, вконец развалив его экономику и финансовую систему. Конечно, в этой гипотезе есть известная доля преувеличения. Возможно даже, что желание женщин позднего периода Римской империи пожить на полную катушку вообще было не причиной, а скорее, следствием. То есть древние римлянки вели себя таким образом по той причине, что ощущали – конец их любимого государства не за горами. А потому и спешили устроить для себя, что называется, праздник во время чумы. Как бы там ни было, римлянки лишней раз доказали, что материальные блага для женщины значат очень много. Потому что они, эти материальные ценности, и создают у нее иллюзию самостоятельности и независимости.

Женщина и христианство

Средние века явились итогом долгого брожения исторического компоста, который представлял собой прихотливое смешение культурных традиций, оставшихся после крушения Римской империи, и позднего варварства, приобщающегося к христианству.

Именно в этот период люди начинают постепенно ощущать, что мир гораздо шире, чем это казалось их предкам. Мореплаватели открывают Америку. Астрономы доказывают, что Земля наша – всего-навсего большой шар, болтающийся в космическом пространстве. Гуттенбергу удается наконец запустить свой печатный станок, и распространение знаний сразу приобретает массовый характер. Именно Средневековью мы обязаны появлению университетов: в XII – XIV веках возникают Болонский, Парижский, а затем Оксфордский и Кембриджский университеты. Желание сделать жизнь хоть немного комфортней и приятней, труд – производительней, а военное дело – более эффективным приводит к изобретению штанов, рубашек, юбок, пуговиц, очков, спирта, стремян, хомута, арбалета и прочих полезных или приятных вещей.

Не забыв окончательно опыт, накопленный античностью, передовые мыслители Средневековья, несмотря на все тяготы окружающей их жизни, пытаются искать и добиваться гармонии, в том числе и в отношениях между полами. Подчеркнем еще раз: рассматривая какое-либо явление, имевшее место в прошлом, мы можем, естественно, опираться лишь на дошедшие до нас источники. Но при этом не следует упускать из виду то обстоятельство, что источники эти отражают мнения и ощущения лишь определенной (и чаще всего очень немногочисленной) группы людей. А от Средних веков до нас дошли в основном религиозные трактаты и поэзия трубадуров. Что касается религии, то в период Средневековья происходит окончательное становление христианства. И, как это всегда случается, если новая идеология начинает овладевать умами неопитов, адепты ее, норовя довести постулаты этой идеологии до абсолюта, доводят их до абсурда. Что и происходило постоянно с фанатами от христианства, желающими окончательно разделаться с остатками язычества на всей территории Европы.

Догматизм коснулся не только религиозной сферы. “Когда христианская церковь, прочно покоящаяся на основании еврейской традиции, получила власть над западным миром, став преемницей римской империи, социальные и сексуальные отношения застыли в древнееврейских обычаях, как муха в янтаре”, – заметил по этому поводу Р. Тэннэхилл (Р. Тэннэхилл “Секс в истории”).

Что касается этих самых отношений, то в Средние века вновь восстанавливается то отношение к женщине, что доминировало в ранней античности, где, как вы помните, особым уважением и почтением ее не жаловали. Вот что пишет в XIV веке по поводу брака Святой Иероним: “Я хотел бы, чтобы каждый мужчина брал себе жену...». Хорошее начало. Но дальше Иероним добавляет не без сарказма и ехидства: «...если он не может спать один, потому что боится темноты”. Иными словами, лучше бы вообще обойтись без женщины, но уж коли совсем невмоготу, так и быть – женись. Почти что парафраза слов того древнегреческого крестьянина, что мы цитировали чуть выше.

Последователи Св. Иеронима пошли еще дальше. Они стали призывать вообще к решительному половому воздержанию, считая, что Господь Бог явно допустил конструктивный просчет, предложив человечеству подобный непристойный образ интимного общения. Мог бы, дескать, придумать какой-нибудь более изящный способ размножения. Но уж коль скоро тут ничего нельзя изменить, то надо хотя бы не предаваться греху, увлекаясь частыми интимными забавами. То есть если уж приходится заниматься сексом, то делать это надо спокойно, без страсти и чуть ли не с отвращением. Для того токмо, чтобы продлить род человеческий. Если вдуматься, то в основе всех этих лозунгов и призывов кроется желание прожить без сильных

чувств и потрясений. Ведь за земное счастье и очарование женской красотой чаще всего приходится расплачиваться страданием, разочарованием и печалью. Нежелание же переживать отрицательные эмоции даже во имя красоты и стремления ощутить земное блаженство (а нередко это происходит просто из-за отсутствия жизненной энергии) легко и удобно выдать за смирение и богобоязнь.

Убеждая себя (а заодно и других) в том, что в женщинах нет ничего такого, из-за чего стоило бы терять голову, один из средневековых монахов приводит следующие доводы: «Телесная красота заключается всего-навсего в коже. Ибо, если бы мы увидели то, что под нею, – подобно тому, как беотийская рысь, как о том говорили, способна была видеть человека насквозь, – уже от одного взгляда на женщину нас бы тошнило. Привлекательность ее составляется из слизи и крови, из влаги и желчи. Попробуйте только помыслить о том, что находится у нее в глубине ноздрей, в гортани и чреве: одни нечистоты. И как не станем мы касаться руками слизи и экскрементов, то неужто может возникнуть у нас желание заключить в объятие сие вместилище нечистот и отбросов?».

Как говорится, приехали. Можно подумать, у самого автора этого пассажа в глубине ноздрей – янтарь и жемчуг. Но если даже посмотреть на проблему с сугубо теософской точки зрения, то, спрашивается, для чего ж тогда Господь Бог вообще создавал женщину? Не для искусственного же осеменения. Скорее всего, этот монах считал так: ну уж ладно, выполняя завет Божий – плодиться-размножаться, простой смертный может разок-другой, зажмурив глаза и закрыв нос, приблизиться к женщине. А так – лучше от нее держаться, как от смертного греха, подальше.

Святой Джон Христомом тоже не строит никаких иллюзий относительно женского пола: «Среди всех диких зверей нет ни одного столь вредоносного, как женщина». То есть опять-таки – лучше от женщин, как и от диких зверей, держаться подальше.

Католических священников, в общем-то, понять можно. Целибат запрещал им жениться и вступать в связь с женщинами, так что подобная форма нападения на противоположный пол была для многих из них формой самоутверждения. Эта же причина, вероятно, лежала отчасти и в охоте католической церкви на так называемых ведьм. Сложнее понять далеких от церкви мужчин, которые тоже считали хорошим тоном сказать что-нибудь мерзопакостное про женщин. И стоит восхититься мужеством проживавшей в это время во Франции Кристины Пизанской, которой, надо полагать, настолько осточертели все эти женофобствующие графоманы, что она сама написала книгу «*Livre de la Cité des Dames*», (1404-1405 гг.), которую можно перевести как «Книга о Граде женском», или «Книга о городе женщин».

«Всякий, кто открыто клеветает на женщин, – пишет она, обращаясь к одному из таких авторов, – делает это по злобе сердца, вопреки разуму и природе <...> Вопреки природе потому, что нет ни одной твари – ни зверя, ни птицы, – которая не любила бы своих самок, и было бы совершенно противоестественно для разумного человека поступать наоборот». Опровергая постулат толкователей Библии о том, что Бог якобы вдохнул дух только лишь в Адама, а Ева – это существо, полученное из ребра последнего, а, стало быть, не обладающее душой, Кристина доказывает, что женщина совершенно полноценный человек и такая же личность, как и мужчина. Без всякого преувеличения можно сказать, что Кристина была предтечей современного феминизма в лучших его проявлениях. Вот один из фрагментов ее сочинения, который и до сих пор, увы, сохраняет свою актуальность: «Если кто-нибудь попытался бы написать новую книгу о супружестве в соответствии с истиной, рассмотрев спорные мнения о нем, то он открыл бы совсем иные факты <...> Для скольких многих женщин из-за грубости мужей безрадостная жизнь в узах брака намного тяжелей, чем жизнь рабынь у сарацинов. Боже, сколько тяжких побоев без причины и повода, сколько оскорблений, угроз, унижений и жестокостей стойко снесли многие женщины, и ни одна ведь не возопила о помощи! А вспомни еще и тех женщин, которые едва не умирают от голода и страданий, оставаясь дома с кучей детей, когда мужья их

бражничают, шатаясь по пирушкам и городским тавернам, а когда возвращаются домой, то на ужин бедным женщинам достаются побои...».

Но продолжим разговор о нравах Средневековья. Половое воздержание в средневековом христианстве считалось не только религиозной добродетелью. Оно пропагандируется в это время на всех уровнях, а девственность возводится в культ. Образ непорочно зачавшей девы Марии в католической религии становится одним из главных религиозных символов. Девственницы объявляются христовыми невестами. За соблазнение девственницы полагается очень строгое наказание. Что же касается пресловутого *prima notte* (право первой ночи), являющееся привилегией сеньора, то оно как бы символизирует его господство, четкую иерархию средневековых отношений. А заодно, вероятно, и то, что сексуальные отношения – это нечто механическое, чему не стоит уделять большого внимания.

Сегодня, правда, бытует мнение, что *prima notte* был всего лишь невинным обрядом, носившим чисто ритуальный характер: монсеньор, мол, просто прикасался к невесте, давая ей тем самым благословение на брак. Но теперь уже невозможно установить достоверно, что и как там было на самом деле.

Продолжительность жизни в Средние века была невысокой, порядка 40 лет, и, может быть, поэтому в брак в ту пору вступали еще раньше, чем в античные времена: жениху достаточно было дотянуть до 14 лет, а невеста могла быть даже на пару лет его моложе. Помолвка же будущих новобрачных нередко совершалась вообще в полудетском возрасте. За детей всё решали их родители, исходя из своих понятий о выгоде или престиже. Так что о любви в браке в ту пору говорить не приходится.

Памятуя, что Ева, согласно Библии, произошла от ребра Адама, христианская мораль предписывает женщине беспрекословно подчиняться мужу. (Что, впрочем, успешно культивировалось и до христианства). А учитывая, что Ева еще и спровоцировала первое грехопадение и что вообще женский род способен порождать соблазны и вожделение, схоластами от религии женщина была объявлена “вместилищем греха”. Правда, когда речь заходила о настоящих грешницах, то есть о блудницах, церковь проявляла к ним трогательную снисходительность. А порой, как мы увидим ниже, даже поощряла их древнейшую профессиональную деятельность. Возложив на женщину всю ответственность за первородный грех, христианство подвигло писателей-моралистов на упражнения в остроумии относительно присущих (или якобы присущих) женщинам качеств – их непостоянства, коварства, хитрости, страсти к прогулкам, интрижкам и т.п. Средневековые «инженеры человеческих душ» не жалели красок, описывая женское кокетство и маленькие женские хитрости, направленные на привлечение мужского внимания: прически и косметику, различные украшения и одежды, декольте и прочие волнующие вырезы и разрезы и даже платья, в которых присутствовало больше одного цвета ткани (скромным дамам положено было носить монохромные одежды). Церковь же вообще предписывала женщине избегать любых средств, подчеркивающих ее привлекательность, дабы не вызывать мужского вожделения. Короче говоря, в ту пору всячески культивировались идеология асексуальности и холодности в отношениях между полами.

Но человек – часть природы, и *volens polens* подчиняется единым биологическим законам. А тут вдруг предосудительным и грешным объявляется сексуальное удовлетворение, доставлявшие радость и наслаждение мужчинам и женщинам в течение многих веков и тысячелетий и считавшееся делом вполне естественным и приятным.

Раннее христианство как бы противопоставило решительно два сильных чувства – религиозное и сексуальное. Первое всячески поощрялось, в сексуальности же, как мы видели, церковь склонна была видеть нечто плохое, грешное, идущее от дьявола-искусителя. Но поскольку подобное размежевание на духовную и биологическую сферу входило в противоречие с естественными человеческими потребностями и наклонностями, то ничего хорошего из такого

разделения не получилось. Выражаясь научно, результатом такого искусственного разделения стал физиологический парадокс.

Тут мы умолкаем и даем слово немецкому ученому Вильгельму Райху, которого, кстати, несмотря на его знаменательную фамилию, очень не любили господа фашисты: «Религиозное возбуждение имеет не только антисексуальный, но и в значительной мере сексуальный характер... Ни в одной социальной группе не процветают истерия и извращения так, как в аскетических кругах церкви... Генитальная робость и страх перед наслаждением составляют энергетическую опору всех патриархальных религий с антисексуальной ориентацией... Отказ от телесных наслаждений служит живым источником религиозного мировоззрения и опорой всех религиозных догм» (В. Райх. «Психология масс и фашизм»). Как говорится, хотите – верьте, хотите – проверьте...

Знаменитый роман Анатоля Франса «Таис», в основу которого легла легенда об обращении в христианство александрийской куртизанки Таис, посвящен как раз этой самой теме – вечного противоречия между сугубо религиозным, почти фанатическим чувством и естественными человеческими инстинктами. Герой романа подвижник раннего христианства монах Пафнутий пытается всячески усмирить свою плоть, вызывая этим восхищение и поклонение всех верующих. Ко всеобщему удивлению и восхищению, он обращает в христианскую веру красавицу-язычницу Таис, предававшуюся до того всем видам пороков и наслаждений. Но в конце романа эти двое персонажей как бы меняются местами: Таис становится святой в глазах христиан, благодаря своей способности искренне любить и прощать; фанатичный же монах понимает вдруг, что добродетель его – вымученная, искусственная. Не в силах больше скрывать истинных своих чувств и тайных помыслов, он кричит умирающей Таис: «Я люблю тебя, не умирай!.. Бог, небеса, все это – ничто. Истинна только земная жизнь и любовь живых существ...»

Чуть ниже мы увидим, что противоречие между биологической сущностью человека и его духовностью окажется вечным трагическим противоречием, мучающим чувствительных и мыслящих людей не одну сотню лет...

В средние века призывы церкви к аскетизму и заботе о бессмертной душе постоянно разбивались о здоровые инстинкты основной массы народа. Чернь, как и прежде, охотно, а порой даже разнузданно предавалась любовным утехам. У большинства средневековцев никакого стыда не вызывали откровенные обсуждения деталей сексуального процесса. А общепринятый обычай выставлять на публичный показ следы первой брачной ночи, доказывавшие чистоту невесты, просуществовал вплоть до XVIII века (а кое-где существует и до сих пор). И если в поэзии трубадуров царили куртуазность и возвышенная любовь, облаченная в изящные формы, то в народных свадебных обрядах, в игривых песнях и всевозможных скабрёзных историях сексуальные отношения представляли во всей их полноте и даже в гиперболизированном виде.

Сегодня существует мнение, что неустанные призывы средневековых идеологов к сексуальной аскезе и супружеской верности были вызваны также тем, что якобы в те времена свирепствовали не только чума и холера, но и эпидемия венерических заболеваний. И отцы церкви, борясь с блудом и невоздержанием, пытались таким образом спасти европейское народонаселение от вымирания. Но, думается, это не очень убедительная гипотеза.

Известно, что изменения не только в эстетике, но и в этике и морали довольно точно отражаются в искусстве соответствующей эпохи. Что касается времен Средневековья, то в это время живописные изображения человека становятся худосочными, аскетичными, почти бесплотными. Единственные, кто мог изображаться обнаженным, но с фиговыми листочками на причинных местах, были Адам и Ева, поскольку тут уж поневоле приходилось следовать библейской трактовке появления первых людей. Все же остальные персонажи, изображаемые в красках, камне или бронзе, должны были быть одеты с ног до головы. Церковь, которая в ту

пору была главным заказчиком произведений искусства, требовала, чтобы физические свойства человека не подчеркивались, не выпячивались, а давались лишь намеком. Прежде всего надо было выразить, подчеркнуть одухотворенность, порождаемую общением с Богом. Чтобы отвлечь взор зрителя от человеческого тела, художники и скульпторы этого времени с тщанием драпируют грешное тело в одежды с многочисленными ломкими складками...

Всякий идеолог знает, что для консолидации масс и пробуждения их пассионарности нужно предложить народу образ врага. Для католической церкви таким образом стали еретики, отступники и ведьмы. Поиском еретиков и отступников занимались в основном шпионы и добровольные авторы подметных писем. За ведьмами же охотились все сообща. Прежде всего надо было обнаружить среди женской паствы нечто из ряда вон выходящее, выделяющееся из серой массы. А поскольку сама природа женщин развила в них за годы владычества мужского пола изощренную интуицию (это прежде всего их повышенная эмоциональность, пугающая загадочность, немотивированность поступков), то легко было сформировать в мозгу прихожан пугающий образ ведьмы. Чем и воспользовались служители церкви, первым делом обнаружив нечистую силу в этом главном «вместилище греха».

Слово «ведьма» во всех языках происходит от слова «ведать». Скажем, английское witch (ведьма) – производное от wit – знать, ведать. В России ведьм и колдуний так и называли часто – «ведуны». Но в отличие от цивилизованной Европы, в православной Руси на кострах женщин не жгли. Католики же с присущей им истовостью и методичностью для укрепления веры принялись энергично искать и искоренять нечистую силу в обнаруженных «ведьмах», очищая их огнем на костре (а заодно отправляя их на тот свет столь мучительным способом) или испытывая водой (чтобы проверить, является подозреваемая женщина ведьмой или нет, ее для начала бросали в водоем, и если она тонула, то подозрение с нее снималось). Сначала некоторых казавшихся странными женщин стали уличать в занятии черной магией и, как говорится, выставлять на общественный суд. Но потом этого церковникам показалось мало. Первобытная идея жертвоприношения оказалась весьма живучей. И сотни несчастных женщин, объявленных ведьмами, колдуньями и ворожеями, были брошены на костры инквизиции, запыхавшие по всей Европе с благословения папы Григория IX, который превратил в 1232 году инквизицию в постоянно действующий орган католической церкви. В XV веке эстафету увлекательной «охоты на ведьм» подхватили новые инквизиторы. Кроважандность этих борцов с ересью совсем уж не знала меры. На площадях Женевы в начале XV века было сожжено 500 женщин, у которых под страшными пытками вырвали признание в их общении с дьяволом, в Бамберге – 600, в Вюртсбурге – 900. Всего же, по скромным подсчетам, за полтора века на тот свет различными способами было отправлено около 30 тысяч «ведьм». Особенно свирепствовала испанская инквизиция.

Некоторые феминистки склонны считать, что «охота на ведьм» фактически была войной закомплексованных мужчин с женщинами. Дескать, отдельных представителей мужского пола всегда пугали загадочность и непредсказуемость противоположного пола, поэтому они и предпочли увидеть в этом дьявольское начало. Гипотеза интересная, но маловероятная. Возможно, для некоторых священников жестокое обращение с «ведьмами» действительно было формой эротического садизма, но вряд ли подобного рода извращение носило столь массовый характер. Скорее всего, дело все же было в идеологической установке и массовом психозе. Но главный парадокс состоял в том, что именно женщины, которых христианская церковь почитала за сосуд зла и источник всех пороков, сжигала на кострах и поносила с амвонов, стали в конечном итоге главной и самой надежной опорой новой веры. Вот тут адептам фрейдистских теорий есть над чем поразмыслить.

Романтизация образа женщины в Средние века

В общем, женщине Средневековья можно только посочувствовать. Так и хочется уберечь ее от всяких бед и напастей. Что и стали делать благородные рыцари. Посвящавшийся рыцари мужчина, среди прочих клятв, непременно давал торжественное обещание защищать беззащитных женщин. «Даме и девушке, – говорилось в одной из поэм о настоящих рыцарях, – никогда нельзя отказать в совете или помощи. Женщин должно уважать и всеми силами отстаивать их права». Этот постулат фактически был положен в основу так называемой куртуазности (фр. *courtois* – изысканный, вежливый, любезный) по отношению к женщине. Данное явление, которое, конечно, было характерно лишь для высшего класса и его окружения, возникло в XII веке во Франции и Германии и нашло свое отражение в рыцарской поэзии этих стран.

Песнь мою я посылаю той, что желал бы видеть днем и ночью.

С той поры, когда я мог устами выразить свое ей восхищенье,

Минуло немало долгих дней...

Я одно имею лишь желанье: пусть споет ей эту песню тот,

Кто когда-нибудь ее увидит, ту, по ком тоскую я в разлуке...

И так далее в том же духе.

Рыцарская поэзия могла представлять собой как сравнительно небольшие рапсоды-послания, так и огромные поэмы о возлюбленных, которые ради любви претерпевали различные испытания и страдания. Общим для всех этих поэтических произведений был культ Прекрасной дамы и тема рыцарской любви, которую герой проносил сквозь годы.

Как ни парадоксально, но в отношении женщины и у церкви, и у куртуазного рыцарства можно обнаружить немало общего. Прежде всего это проявилось стремлении и тех, и других к доминированию в отношениях между женщиной и мужчиной духовного начала. Если бы последователи г-на Фрейда занялись анализом поэзии миннезингеров и прочих трубадуров, то они наверняка пришли бы к выводу, что именно неудовлетворенное сексуальное желание рыцаря, бродящего в поисках подвигов, и приводило его к подобного рода сублимации, то есть превращало подавленное эротическое чувство в возвышенный поэтический образ и рождало готовность пожертвовать всем, даже своей жизнью во имя высокой любви. Дело здесь в том, что рыцарское отношение к женщине во многом формировалось под воздействием образа девы Марии, что предполагало прежде всего асексуальную нежность и возвышенные чувства. Прочитав еще раз более прямо изъясняющегося по этому поводу г-на Райха: «Поскольку страстное стремление к оргазму подавляется, его энергия усиливает стремление к нежности, придавая ему форму почти неразрывной связи с мистическим переживанием... При этом оргазм и восприятие полового желания в биопсихике постоянно замещается мистическим возбуждением. Сам половой акт воспринимается как нечто унижительное». Проще говоря, рыцарская, романтическая любовь вытесняет мысли о возможности физического обладания объектом любви. В отличие от любви земной, плотской, это любовь небесная, возвышенная, платоническая. То есть возникает неразрешимое противоречие, о чем мы поговорим подробнее во втором разделе, в главе, которая так и называется «Любовь небесная и любовь земная».

Идеализация объекта происходит в том случае, если мы имеем об этом объекте недостаточную информацию или получаем о нем сведения через посредника. Именно так происходило дело с романтизацией женского образа, образа Прекрасной Дамы. Частенько дама в восприятии рыцаря даже не особо индивидуализировалась, ее расплывчатый идеализированный образ был лишь поводом для выражения экзальтированных чувств. Началась эта романтическая линия, судя по всему, на знойном Востоке. Первой причиной ее зарождения было появление там людей с поэтическим даром, умеющих складно рассказывать длинные увлекательные истории, наполненные бесконечными перипетиями. Фантазия рассказчиков была поистине

безграничной, и слушать про увлекательные приключения героев готовы были часами слушать и бедняки, и богачи. А учитывая, что в те далекие от нас времена не существовало ни кино, ни радио, ни даже доступной литературы, то можно представить, какой популярностью пользовались сочинители этих устных сериалов среди публики, испытывавшей информационный и эмоциональный голод.

Среди сюжетов о заморских царицах, о подвигах героев-суперменов и о всяких там фантастических существах, типа джинов, драконов, крылатых коней и т.п. существенное место занимали истории про любовь. Основная интрига в них строилась на том, как неутомимый герой ищет, защищает или спасает свою возлюбленную. При этом подробно описывались его томление, готовность пройти через любые испытания, а также бесконечная преданность возлюбленной своему избраннику. Вот один из примеров такой средневековой восточной истории, повествующей о шахзаде Ирана, коварном Шамгуне и малике Джавохири. Когда сыну шаха (по-ирански – маликзаде) исполнилось 18 лет, ему приснился сон, который произвел на него необычайно сильное впечатление. Привиделось же ему, будто он парит в воздухе и, пролетая мимо какой-то местности, замечает вдруг несколько невольниц. Одна из них, увидев его, заливается чарующим смехом. И этот смех, и ее весьма расплывчатые приметы («волосы – душистый гиацинт, стан – стройный кипарис, щеки – солнце, губы – рубин, с глазами газели») производят на него неизгладимое впечатление. Тем более, что девушка из сна обращается к нему с вещими словами: «Если очень захочешь найти меня, найдешь. Но знай: добываясь меня, испытываешь немало мук». Так оно и происходит. Маликзаде в сопровождении визиря отправляется на поиске красавицы, лишившей его сна и покоя. Поскольку у нее все-таки есть одна особая примета, а именно три очаровательных родинки на лице, то наши путники по мере передвижения ведут опрос местного населения, сообщая собеседникам словесный портрет красавицы. Они переезжают из города в город, из страны в страну, опрашивают всех работяг и, наконец, как вы уже догадались, обнаруживают искомую невольницу. Невольница, правда, какая-то странная, обладающая правом диктовать свои условия владеющему ею работягу. В частности, она поставила условие, что он может продать ее лишь тому, кто ей самой понравится, при этом хозяин должен потребовать за нее драгоценностей весом, равным ее весу. Поскольку наши компаньоны во время долгого пути изрядно поиздержались, то визирю приходится отправляться назад к шаху, чтобы привезти владельцу красавицы пуда три драгоценностей. Вероятно, для обострения ситуации автор заставляет несчастного преданного визиря свалиться с верблюда и сломать себе шею. В результате наш герой остается один на один с капризной красоткой, которая, как чуть позже выяснится, является не больше, не меньше, как дочерью римского императора. Оказывается, однажды она тоже увидела вещий сон. В том сне был юноша, который ей сказал, что если она примет мусульманство, то он возьмет ее в жены. Поверив в этот сон, эта экзальтированная дочурка императора, прихватив с собой сундук с драгоценностями из императорской казны, в сопровождении четырех служанок отправилась на поиски юноши. После многочисленных перипетий искательница приключений попала в руки работяги. И когда она, наконец, увидела Маликзаде, то сразу поняла, что это он, тот самый, из девичьих снов. Но этого ей мало, и она, чтобы убедиться в надежности его любви, придумывает для него уйму испытаний, которые наш герой с честью проходит. В финале первой части этой душеспасительной истории они, наконец, «открывают двери любви» и предаются наслаждению от общения, называя друг друга не иначе как «свет моих очей», «покой моей души», «жизнь моя» и т.п. Но это только начало истории. Джавохири (так назвал ее наш герой) почему-то не желает отправляться на родину своего любимого, и они остаются в стране, чужой для обоих. Чтобы как-то выжить, девушка шьет платье невообразимой красоты с вышитой на нем женской рукой, и Маликзаде отправляется его продавать. Покупает этот наряд сборщик налогов по имени Шамгун, который так поражен красотой платья, что не может найти себе покоя и предается любовным терзаниям, даже не видя в глаза предмет своей абстрактной любви. (Вот

она предтеча рыцарской поэзии). Далее этот чувствительный мытарь, не в силах больше терпеть терзания, подключает к своим проблемам хитроумную матушку, которая, в конце концов, и находит красавицу. Она втирается к ней в доверие, затевает сложную интригу, и в результате девушка оказывается плененной в доме коварного налогового. Маликзаде же, страдая, бродит по городу в поисках потерянной возлюбленной. Далее следует такое количество перипетий, что их хватило бы десяток современных телесерий. Нашего героя едва не отправляют на тот свет киллеры, подсланные соперником, но его вовремя спасает местный визирь. Затем этот же визирь помогает Маликзаде осуществить акцию по поиску и освобождению роковой красавицы. Когда наш герой, прихватив двух коней спрятался в развалинах, поджидая свою Джавохири (она изловчилась послать ему записку с инструкциями), на него вдруг напал сон. Непонятно почему. То ли от сильных переживаний, то ли герой просто по восточной традиции чего-то накурился. И надо же такому случиться, что именно в эту самую ночь один чернокожий вор решил проникнуть в богатый дом Шамъуна. Увидев по пути сладко спящего юношу и пару прекрасных лошадей, он, конечно же, не мог удержаться, чтобы заодно не прихватить с собой такую легкую добычу. И как только этот ворюга, перерезав поводья, которые держал в руке Маликзаде, вывел лошадок наружу, к нему кинулась Джавори, сбежавшая от коварного Шамъуна с мешком прихваченных на всякий случай драгоценностей. В темноте она приняла вора за Маликзаде. А вор, увидев драгоценности, понял, что не стоит разевать рот, коль удача сама идет в руки, и, усадив девушку на коня, быстренько увез ее в свой дом, богато обставленный награбленным добром. Когда стало светать, девушка, наконец, с ужасом обнаружила подмену. Однако будучи умной, хитрой и привычной к приключениям, притворилась, что вороватый мавр ей очень по душе и предложила в честь такого знаменательного события чего-нибудь выпить. У нее с собой всегда было снотворное снадобье, которое она тут же подмешала в вино. Когда вор крепко заснул, девушка собрала драгоценности, надела для безопасности мужское платье и, сев на коня, поехала куда глаза глядят. И т.д., и т.п. В самом конце этой длинной истории судьба сводит всех персонажей (несчастливого влюбленного Маликзаде, зловредного Шамъуна и обманутого вора) в одном месте, всех их приводят к падишаху, который оказывается переодетой в мужское платье красавицей Джавори, и она учиняет им поочередно допрос с пристрастием. Увидев своего возлюбленного, она не в силах больше таиться и признается народу, что на самом деле она женщина, а это ее господин. Услышав ее драматическую историю, народ прощает ей ее невинный обман и возлагает шахскую корону на голову Маликзаде. Немного поцарствовав, эта пара оставляет владения своим сыновьям и отправляется в Иран, где Маликзаде занимает место отца, который благополучно скончался, так и дождавшись возвращения своего романтического блудного сына...

В подобных историях, являющихся предтечей мелодрам и «мыльных опер», все гиперболлизировано до предела. От сильных переживаний герои бледнеют и покрываются потом. От охватившей все их существо любви они впадают в забытие и с трудом вновь приходят в себя. Они могут проливать слезы в течение недели, а от избытка чувств падать в обморок. Ну и, как вы смогли заметить, авторы таких сочинений не особо утруждают себя мотивацией поступков героев. Главное для них – чтобы история была наполнена постоянными неожиданными поворотами сюжета и безмерными любовными страстями. (Надо сказать, авторы современных телесериалов тоже не очень утруждают себя мотивировкой поступков своих героев).

В жестоко-сентиментальном арабском мире необычайно популярными были также любовные песни и любовная лирика, идеализирующая отношения мужчины и женщины. А поскольку мусульманские женщины были постоянно дистанцированы от чужих мужчин (да и от своих мужей) – они были скрыты от постороннего взгляда в гареме, появлялись на публике лишь под чадрой в соответствующих одеждах, – то это тоже давало восточным мужчинам почву для самой необузданной фантазии и создания идеального, неземного образа женщины. И когда крестоносцы и прочие искатели приключений понесли косяком в чужие страны, долгое пре-

бывание там создало благодатную почву для их экзальтированных эротических фантазий. А после того, как они познакомились с восточным любовным фольклором и своеобразным стилем отношений между мужчиной и женщиной, то их фантазия разыгралась уже на полную катушку. Как склонны считать многие исследователи, именно во время этих дальних и долгих нелепых крестовых походов в мозгах и в сердцах рыцарей постепенно выкристаллизовывался далекий от реальности образ Прекрасной Дамы. Как уже было сказано, образ этот в определенной мере ассоциировался с образом Мадонны, почитание которой начинается с введения в 1140 году праздника непорочного зачатия девы Марии.

Сочиненный идеал Прекрасной дамы укреплялся в сознании благородных рыцарей по мере их временной и пространственной удаленности от реального прототипа этого идеала. Рыцарь печального образа господин дон Кихот – блистательная пародия на такого рода мужчин, давно потерявших грань между реальностью и романтизированным вымыслом. Его бесподобная Дульсинея Тобосская на самом деле – рябая деревенская девка, понятия не имевшая, что она может вызвать столь мощные и возвышенные чувства у странствующего идалго. Конечно, в реальности было немало женщин, соответствующих образу Прекрасной дамы. Именно такой была Элеонора Аквитанская. Так ее имя звучало, когда она стала королевой [Англии](#) в 1154 году. На самом деле имя ее было Альенора. Или Алиенора. Как вам больше нравится. Так пожелал назвать ее то ли дедушка, то ли отец (от лат. *alienus* – другой или особенный). И она действительно оказалась особенной, резко выделяющейся на фоне большинства женщин Средневековья. По описаниям, Альенора имела густые волосы цвета меди, большие темные глаза, удлиненное лицо и не очень высокую, но стройную фигуру. И хотя в те времена эталоном красоты считалась голубоглазая девушка с серебристыми волосами, трубадуры единодушно сошлись на том, что эта женщина божественно красива и постоянно выражали свое восхищение прелестной и очаровательной Альенорой-Элеонорой. Вначале она стала королевой Франции, выйдя в 1137 году замуж за Людовика VII. Поскольку венценосный муж ее был постоянно занят, тоскующая королева стала приглашать во дворец известных трубадуров, которые, как нетрудно догадаться, познакомившись с Альенорой, начали воспевать ее красоту. Возможно, именно ее увлечение некоторыми из многочисленных поклонников послужило причиной того, что король, в конце концов, решил развестись со своей супругой. Выйдя замуж за Генриха Анжуйского, ставшим вскоре королем Англии, Альенора родила ему четырех сыновей (всего же у нее было 10 детей). Один из них, известный нам под именем Ричард Львиное Сердце, стал самым знаменитым рыцарем того времени. Хотя сама Альенора старалась держаться подальше от политики, тем не менее, возможно, именно то, что она была вначале супругой короля Франции, послужило причиной бесконечных войн (в том числе так называемой Столетней войны) между Англией и Францией. Нас Альенора Аквитанская интересует прежде всего как вдохновитель идеи рыцарства и воспевания образа Прекрасной дамы. Именно в это время рождается рыцарская литература, в частности, появляется бессмертный роман о Тристане и Изольде, и вообще значительно изменяется отношение к женщине. По крайней мере, в определенных социальных кругах. Кстати, это она, Альенора заменила в шахматах фигуру ферзя (очевидно, от слова «визирь») на известную нам фигуру королевы, вольно или невольно подчеркнув тем самым роль женщины в истории. Прожила Альенора 82 года, что для Средневековья было большой редкостью. Позже мы увидим, что вообще такого сорта женщины живут очень долго – какая-то, видно, в них заложена мощная жизненная энергия... Конечно, наивно было бы думать, что все средневековые рыцари только и делали, что боготворили Прекрасных Дам и посвящали им все свои подвиги. В основной массе это были обычные, лишенные комплексов мужланы, ценившие прежде всего плотские радости и немудреные удовольствия. Не говоря о том, что многие из них таскали вместе с собой по дальним походам прихваченных для удовлетворения их похоти шлюшек и при случае насиловали женщин покоренной местности. Просто до нас дошли не мысли и высказывания этих странствующих вояк, а лишь воз-

вышленные песни трубадуров. Впрочем, и их песни нередко не лишены явной эротичности. В общем, как бы там ни было, куртуазная поэзия внесла мощный вклад в изменение отношения к женщине.

Теперь поговорим немного о, так сказать, кодексе чести совершенного рыцаря. От него требовалось, чтобы он не только всеми способами служил благородной даме, но и умел изящным слогом петь ей хвалу, добиваясь таким образом ее расположения и благосклонности. И не имело значения, была ли дама, которой поклонялся рыцарь, свободна или уже была замужем. Главное, что он был связан с нею узами формального поклонения, служения, налагавшими на него долг верности.

«Бесконечное, униженное искание ее милости, уверения в собственном постоянстве, жалобы на жестокость дамы, проклятия по адресу караульщиков и других нарушителей спокойствия влюбленных, восторг по поводу достижения ее благосклонности: вот вечные темы этих песен. Довольно часто конечной целью и высшей наградой этого служения откровенно выставляется полное обладание женщиной, но, с другой стороны, сами миннезингеры заявляют, что достоинство влюбленной требует, чтобы она отказывала им в том, чего они так страстно добиваются от нее. Таким образом, большими победами считаются и самые ничтожные признаки расположения, даже само разрешение дамы служить ей» (Ф.Фогт, М.Кох. История немецкой литературы. СПб, 1901).

Еще одно негласное правило требовало, чтобы имя возлюбленной никогда не упоминалось ее поклонником и обожателем из опасения, что оно может сделаться предметом сплетен. Нередко случалось так, что дама, внимая песням своего поклонника, даже не догадывалась, что речь идет именно о ней. Но весь этот этикет касался лишь узкой части населения. В средневековых же городах и селеньях шла обычная жизнь с ее горестями и радостями, в том числе сугубо плотскими, существующая параллельно деятельности церкви и воспеванию Прекрасной дамы благородными рыцарями (в основном через уста трубадуров). К тому же анализ произведений ряда авторов последнего периода Средневековья красноречиво свидетельствуют о том, что поэзия трубадуров и в целом их отношение к любви (последняя, по их мнению, никак не может существовать в рамках брака, который к тому же совершался чаще всего по выбору родителей, то есть по расчету), приводит не только к романтическому вздыханию, но к широкому распространению адюльтерных связей, а сводничество в это время становится, можно сказать, массовой профессией. Если же верить писателям раннего Ренессанса (скажем, Дж. Бокаччо, написавшему свой знаменитый “Декамерон”), то некоторые женские монастыри той поры больше напоминали самодеятельный публичный дом, чем безгрешные святые места. Позволим себе попутно высказать гипотезу о причине столь резкого повышения сексуальности у средневековых мужчин и женщин.

Во-первых, как известно, всякий запрет вызывает такой же силы противодействие. Как говорится, запретный плод особо сладок. Один из героев Анатоля Франса остроумно заметил, что «христианство оказало большую услугу любви, объявив ее грехом» (А. Франс. «Сады Эпикура»). Именно христианская религия сделала из женщины запретный плод, набросив на сексуальные отношения флер греховности. Что, конечно же, только усилило притягательность этого приятного занятия. Цитируем дальше того же А.Франса: «Чтобы превратиться в то грозное чудо, каким вы (женщины. В.П.) стали теперь, чтобы сделаться равнодушной и царственной причиной подвигов и преступлений, вам нужны были две вещи: цивилизация, давшая вам покрывала, и религия, давшая нам угрызения совести».

Во-вторых, сама атмосфера Средневековья, как ни пытаются ее рисовать светлыми красками некоторые современные авторы, была все же довольно мрачноватой. Большие массы народу, отгородившиеся от природы городскими стенами, в отличие от публики времен античных цивилизаций, мало заботились о гигиене и санитарии. Итогом этого стали эпидемии различных болезней (прежде всего чумы), уносившие тысячи людей. Кроме того, в это время

в Европе ведутся бесконечные войны, выкашивающие мужское население. Повсюду пылают очаги ненависти, насилия, торжествует право сильного. Многие люди, глядя на то, что творится вокруг, в это время ощущают в душе отчаяние и усталость. Впечатленные к тому же выразительными библейскими образами, они постоянно ждут Апокалипсиса, то есть конца света. А, как давно заметили психологи, всевозможные природные катаклизмы (землетрясения, извержения вулканов, массовые эпидемии и т.п.) и социальные потрясения (войны, революции и пр.) способствуют резкому повышению сексуальности как у мужчин, так и у женщин. Вполне возможно, что природа таким образом компенсирует неожиданные провалы в демографии. Так что повышенная сексуальность в средние века объяснялась наверняка и этим фактором. И потом, не надо забывать того, что в ту пору не было такого избытка развлечений и различного рода источников информации, как в наши дни. Зато эмоциональная жизнь, при всей простоте нравов, а, может быть, именно благодаря им, была более интенсивной и непосредственной. Если уж горевали, то от всей души. Если веселились, то на полную катушку. Как справедливо заметил большой знаток Средневековья Йохан Хёйзинга, «необходимо вдуматься в эту душевную восприимчивость, в эту впечатлительность и изменчивость, в эту вспыльчивость и внутреннюю готовность к слезам, чтобы понять, какими красками и какой остротой отличалась жизнь этого времени» (Й.Хёйзинга. «Осень средневековья»). В общем, можно сказать, что средневековые люди, будь то простолюдины или вельможи, во многом вели себя, как дети. Что же касается любовной темы, то представители высших классов еще более активно, чем кто-либо, в силу большего количества свободного времени, предавались любовным играм и утехам. Тема любви будировалась ими в самых различных вариантах. При дворе забавы ради были созданы *cours d'amoures* (суды любви), которые состояли из придворных во главе с «принцем любви», либо «королевой любви». Роли последних исполняли правящие особы. На этих «судах любви» на полном серьезе осуждались различные любовные истории и коллизии. Можно сказать, это были предтечи нынешних телепередач, типа «Моя семья», «Окна» или «Дом 2».

Вот одно из характерных «дел», рассматриваемых *cours d'amoures*. Истцом выступал N, некий рыцарь, влюбленный в некую Прекрасную даму. Эта дама любила совсем другого рыцаря. Но, видя упорное обожание со стороны N, вероятно, из жалости и сострадания к своему упорному поклоннику, она сказала N, что обещает уступить его настойчивому ухаживанию в том случае, если разлюбит того, в кого теперь влюблена. Но не разлюбила, а даже вышла замуж за того, кого изначально любила. Исходя из этого факта, N обратился в суд любви, и судьи после недолгого обсуждения торжественно вынесли решение: иск N. вполне справедлив и обоснован и что теперь-то, после замужества означенная дама должна выполнить свое обещание, так как куртуазная любовь не может быть окольцована и ограничена брачными узами, или, проще говоря, о какой любви в семейной жизни может идти речь?..

Что касается положения женщины в средневековом обществе в целом, то наибольшей степенью свободы обладали женщины, стоявшие на самых верхних и, наоборот, на самых нижних ступенях сословной лестницы, то есть находившиеся либо в аристократической, либо в крестьянской среде. В наибольшей же строгости держали своих жен горожане среднего сословия. Тут существовал неписанный кодекс правил поведения и целая куча условностей, которым должна была подчиняться женщина, показываясь на людях. По улице ей следовало ходить, как лошади в шорах, – не поворачивая головы и потупив глаза. Не дай бог, если приличная горожанка начинала болтать с кем-то на улице, да еще при этом смеяться. Если же девушка присаживалась на скамью или на стул, то она должна была походить при этом на каменную статую времен Древнего Египта – соединять колени вместе и складывать руки на животе. Средневековая литература просто кишит антифеминистскими сочинениями, в которых женщин называют «самым опасным силком», «сладким злом», упрекают их в легкомыслии, завистливости, жадности, суетности, болтливости, похотливости и прочих грехах. Семейная жизнь в этих сочинениях – вечный предмет насмешек и иронического сочувствия мужьям. То есть, в отличие

от поэтов-трубадуrow, приземленные городские прозаики не только не романтизировали слабый пол, но и явно относились к дамам с плохо скрываемым презрением. Таковы две стороны медали средневековой морали, такова диалектика жизни.

Женщина в эпоху Ренессанса

В эпоху Ренессанса изменилось многое, в том числе и отношение общества к женщине. Конечно же, эти изменения происходили постепенно, в течение многих десятилетий. Уже в Средние века женщины получили ряд привилегий и свобод, которых до этого у них не было. Причем этому способствовал ряд обстоятельств, и эти обстоятельства создали мужчины своим образом жизни. Поскольку они в те времена постоянно воевали, либо отправлялись в крестовые походы, т.е. постоянно отсутствовали в своих имениях, то женщинам пришлось научиться управлять землей, вести все хозяйство, заниматься торговлей и обменом. Тем не менее, женщины по-прежнему, как в античные времена, воспринимались как некая собственность, принадлежащая сначала их отцам, а после замужества – их мужьям. Причем, как ни парадоксально, это касалось в основном женщин из привилегированных слоев общества. С одной стороны, они должны были получать хорошее образование, чтобы быть в состоянии поддерживать соответствующие беседы с любым человеком, но при этом они обязаны были быть во всем покорными своим мужьям. Женщины должны были оставаться целомудренными до своей первой брачной ночи и всегда хранить верность супругу, в то время как их мужья могли позволить себе иметь сексуальные отношения до брака и вне брака.

Весьма «толерантным» оставалось и отношение к насилию над женщиной. Надо сказать, основную часть подобного рода преступлений совершали дворяне, которые отделялись за эту гнусность небольшими штрафами или, в крайнем случае, заключались в тюрьму на непродолжительное время. Даже воровство считали худшим преступлением, чем насилие над женщиной. Причем данное преступление имело свои градации в зависимости от того, над кем совершалось насилие. Например, изнасилование не состоящей в браке девственницы каралось строже, чем изнасилование замужней женщины. Последнее же классифицировалось как незаконное использование чужой собственности. А если насилию подвергалась простолюдинка, то это вообще считалось лишь возмутительным актом.

Мы воспринимаем сегодня эпоху Возрождения, прежде всего, как время, когда в просвещенных кругах на первый план выходит понятие гуманизма и совершено новое восприятие мира, в котором человек стремится найти красоту и гармонию. По крайней мере, именно это ощущение возникает у нас при знакомстве с художниками и ваятелями того времени. Человеческая личность опосредуется в эпоху Возрождения уже не только Богом, как это было в Средние века, но и красотой окружающего нас мира и, прежде всего, женской красотой. Впервые в истории человечества женщина и любовь к женщине занимают такое исключительное место, по крайней мере, это можно видеть в литературе и искусстве. Во многом такие возвышенные чувства, как мы могли видеть, зародились уже в Средние века. Но Средневековье не знало полутонов: жестокость там ходила под руку с сентиментальностью, простодушие – с коварством, невежество – с жаждой истины, а низменное спокойно уживалось с возвышенным. Высокая, одухотворенная любовь возникла, как мы видели, потому, что христианство четко и жестко разделило мир на земной и небесный. Земной мир был для жителей Средневековья, да и для раннего Возрождения временным, суетным, грешным, а мир небесный был полон грез, мечтаний и всего возвышенного. Поэтому земная любовь считалась низменной, плотской, а небесная – возвышенной, одухотворенной и вечной. Средневековые трубадуры, менестрели и поэты воспевали именно эту необыкновенную, возвышенную, небесную любовь. Высший, небесный мир был для них гораздо значимей, а красота, постигаемая душой, ценилась гораздо выше красоты телесной. Та экзальтированность, что была свойственна людям Средневековья, в творчестве поэтов раннего Возрождения находит выход в волнующих образах женщин, которых они, подобно средневековым рыцарям и трубадурам, готовы воспевать всю жизнь. Девятилетний Данте Алигьери, увидевший в храме девочку Беатриче, оказывается на всю жизнь

пленен этим образом. Первый раз он заметил ее в церкви. Беатриче стояла в храме на фоне сине-зеленого витража, подсвеченного лучами солнца, в своем алом платье и показалась Данте неземным созданием, от которого невозможно оторвать глаз. Впечатлительному Данте померещилось даже, что он услышал в тот миг тайный голос, который сказал, что он встретил божество и что это божество отныне всегда будет владеть его душой... Второй раз Данте встретит Беатриче лишь через десять лет. Увидев на площади восемнадцатилетнюю девушку, освященную мягким весенним солнцем – на этот раз Беатриче была в белом наряде, с ниспадающими на плечи локонами – поэт просто опьянел от восторга любви и обожания. И с тех пор без конца писал сонеты и концыны, посвященные земному ангелу. И всё вокруг, любой пустяк, одухотворенный светом его любви, приобретал поэтичность и значимость.

Через два года после этой их встречи Беатриче выйдет замуж (конечно же, не за Данте, а за другого, более земного и решительного мужчину), а еще через три года уйдет в мир иной. Люди в ту пору умирали рано, и особенно уязвимы почему-то были женщины. Надо сказать, Данте каким-то наитием ощутил, что Беатриче не суждено долго жить – он написал пророческий стих, в котором выразил предчувствие близкой смерти своей любимой, а после ее смерти продолжал писать о ней восторженные строфы:

В единый глас сливает все стенанья

Моей печали звук,

И кличет Смерть, и ищет неуклонно.

К ней, к ней одной летят мои желанья

Со дня, когда мадонна

Была взята из этой жизни вдруг.

Затем, что, кинувши земной наш круг,

Ее черты столь дивно озарились

Великою, нездешней красотой,

Разлившей в небе свой

Любовный свет, – что ангелы склонились

Все перед ней, и ум высокий их

Дивится благородству сил таких.

Спустя полвека эстафету Любви подхватит Франческо Петрарка. Этот поэт тоже полюбил свою Лауру сразу и навсегда, как только увидел ее. В это время она уже была замужем. И Петрарка молча любил, молча страдал и писал свои прекрасные стихи. Все 20 лет он лицезрел свой идеал лишь урывками, но всегда думал только о ней, о прекрасной Лауре. И даже потом, после ее смерти (бедняжка умерла от чумы), продолжал посвящать ей циклы сонетов, воспевая Лауру как идеал вечной любви и красоты.

Благословляю день, минуту, доли

Минуты, время года, месяц, год,

И место, и придел чудесный тот,

Где светлый взгляд обрек меня неволе...

В эпоху Возрождения было написано много трактатов о любви и красоте в платоническом духе. Так Аньоло Фиренцуола в трактате «О красотах женщин» в форме живого диалога трактует понятие женской красоты, но, в отличие от выше названных поэтов, имеет в виду прежде всего физическую, телесную красоту, которая рождает ощущение высокого и духовного. «Красота и красивые женщины, – восклицает один из участников этого книжного диалога, – заслуживают того, чтобы каждый их восхвалял и ценил их превыше всего потому, что красивая женщина есть самый прекрасный объект, каким только можно любоваться, а красота – величайшее благо, которое господь даровал человеческому роду, ведь через ее свойства мы направляем душу к созерцанию, а через созерцание – к желанию небесных вещей, почему она и была послана в нашу среду в качестве образца и залога...».

Пьер де Брантом в своем трактате «Галантные дамы», представляющем череду любовных эпизодов и рассуждений автора по этому поводу, задается вопросом: «что в любовных делах наибольшее утешение сулит – осязание ли, иначе говоря, прикосновение, любовные ли речи или взгляды?» «Начнем с прикосновения, – пишет он, – которое смело можно признать наисладчайшим выражением любви, ибо вершина ее – в обладании, обладание же неосуществимо без прикосновения; как нельзя утолить жажду и голод, не попив и не поев, так и любовь насыщается не взглядами и речами, а прикосновениями, поцелуями, объятиями, заключаясь Венериным обычаем». Но ярче всего женщина эпохи Возрождения представлена на картинах знаменитых художников той эпохи. Давайте же просто полюбуемся репродукциями этих шедевров.

От Ренессанса к Просвещению

Эпоха Ренессанса (XIV-XVI вв.) во многом подготовила мощный сдвиг в религиозном и в общественном сознании, который принято называть Реформацией. Напомним, что все началось с выступления Лютера. Это был своего рода бунт против канонов католической церкви. Не касаясь содержания всех лютеровских постулатов, отметим лишь, что в отличие от католических ригористов, чуть ли не проклинавших женщин как источник греха, Лютер (наверное, в силу своего молодого возраста) воспринимал противоположный пол не без симпатии. Он даже допускал смелые высказывания такого рода: «Кто не любит вина, песен и женщин, тот навсегда останется дураком». Ничего, да? Вроде это не священник заявляет, а студент-первокурсник. Правда, при всей своей благосклонности по отношению к слабому полу Лютер в дальнейшем вовсе не намерен был ратовать за эмансипацию и равноправие женщин. Наоборот, этот революционер от церкви принялся рьяно реставрировать семейные отношения в патриархальном духе, попутно борясь с прелюбодеянием, клеймя и преследуя жриц любви. Тех же взглядов в этом отношении придерживались даже самые передовые мыслители мужского пола. Как мы знаем, ученые и писатели, жившие в период Позднего Возрождения и Реформации, очень продвинули сознание человечества в области астрономии, философии, медицины и художественного восприятия мира. Но что касается женского вопроса, то тут они практически остались на той же позиции, что и мужчины, жившие до них много столетий назад.

Например, в поучительной книге безвестного автора «О злых женщинах», опубликованной в это время, рекомендовалось держать женщину исключительно в ежовых рукавицах. Для ее же, естественно, блага. В афористичной форме автор сформулировал эту мысль так: «С тремя объектами никак нельзя достичь результата без ударов – с орехом, ослом и с женщиной». Ядовитый Джонатан Свифт тоже поучаствовал в женофобской кампании, приводя развернутые доказательства в пользу того, что женщина – это по сути нечто среднее между человеком и обезьяной. Да и у Вильяма Шекспира, за исключением женщин-страдалиц, типа Корделии и Дездемоны, светлых женских образов наберется немного. Датский принц Гамлет, спектакль о котором обожают смотреть женщины, в трактовке Шекспира, по сути, женоненавистник, доводящий несчастную Офелию до самоубийства. Ему же, Гамлету, принадлежит восклицание: «О, женщина, ничтожность твое имя!»

Что касается Франции, где амур-тужур всегда находил живой отклик и понимание у обоих полов, то здесь, в противодействие религиозным догматам, начинают возрождаться (а, скорее всего, они никогда и не умирали) средневековые представления о том, что брак и любовь – две вещи несовместные. В пьесах то и дело встречаются сюжеты, в которых авторы откровенно издеваются над обманутыми мужьями, в стихах воспеваются женские прелести, восторги чувственной любви и т.п. У женщин из высших сословий безделье, изнеженность и роскошь способствуют тому, что все их мысли направлены лишь на то, чтобы понравиться мужчине, завоевать его сердце и, в конце концов, получить от него предложение руки. В женском поведении доминируют жеманство и кокетство. В закрытые, сложно устроенные женские наряды изобретательные модельеры вставляют изящные прорезы, сквозь которые легко можно уловить очертания дамских прелестей. Что, конечно же, возбуждает воображение мужчин гораздо больше, нежели просто обнаженное тело. Не зря эти эротические намеки отцы реформаторской церкви называли «окнами ада».

Женщина в эпоху Просвещения

По мере продвижения от XVI к XVIII веку постепенно начинает повышаться средний возраст вступления в брак. Это объясняется как появлением новых социальных условий, так и изменением отношения к сексуальной жизни. Статистики, изучавшие книги с записью гражданского состояния, пришли к выводу, что если в XVI веке средний возраст девушек, вступивших первый раз в брак, был 20 лет, то в XVIII веке он достигает уже 25 лет. Если учесть, что при этом от них требовали сохранения девственности, то можно сказать, что естественные желания женщин в этот исторический период были в немалой степени подавлены.

Значительное влияние на изменение отношений мужчин и женщин в Европе оказал так называемый век Людовика XIV, или, как его любовно называли во Франции, короля-солнца. Это был, можно сказать, период борения высокого и низкого. А нередко – слияния того и другого. Мы, привыкшие к элементарным бытовым удобствам и имеющие представление о том времени лишь по наполненным изящными сценами псевдоисторическим фильмам, с трудом можем представить себе, что за изысканными манерами и блестящими нарядами крылись довольно диковатые на наш взгляд нравы и привычки.

Мылись эти галантные дамы и кавалеры далеко не столь часто и не столь тщательно, как того требуют элементарные правила гигиены. А чтобы забить исходивший от них не очень приятный запах, они обильно, до тошноты пользовались духами и помадами. Под их пышными париками могла кишеть куча вшей, что, впрочем, не очень их и шокировало. Шутки их были просты и непосредственны, как у детдомовских детей. Скажем, если кто-то зевал, не прикрывая лицо рукой, то мог получить плевков в открытый рот, что страшно веселило всю компанию. В порядке заигрывания во время званого обеда не возбранялось перекидываться с дамами хлебными шариками. А за неимением оных – даже яблоком или апельсином. А то и салатом. А может быть, даже тортом. Такие вот милые шутки. В общем, простой был народ. Хоть и аристократы по происхождению.

Но в это же время происходит расцвет наук и искусств. Развивается театр, строятся прекрасные архитектурные ансамбли, утончаются вкусы и восприятие прекрасного.

Что же касается женщин того времени, они как пол более консервативный, но, тем не менее, весьма восприимчивый к изменению моды, в основном перенимают внешние формы поведения. По сути, – если, конечно, верить описаниям их современников-мужчин, – женщины галантного века остались такими же, как были век назад, – пустыми и тщеславными, наивно-хитрыми и мелочными. Понятие равенства и свободы они восприняли лишь в одном смысле – обретение одинаковых с мужчиной возможностей менять партнеров. При первом же удобном случае они изменяли и мужу, и любовнику и тешили свое тщеславие, требуя от влюбленных в них мужчин выполнения любых своих прихотей и сумасбродств. Именно тогда во Франции родилось знаменитое изречение “Что хочет женщина, того хочет Бог”. Скорее всего, эту фразу произнесла какая-нибудь капризная фаворитка короля или метресса какого-нибудь графа. А может быть, и сам король, желая польстить очередной любовнице. Именно в это время любовь становится своего рода искусством. И, как всякое искусство, порождает самые различные, порой довольно изысканные формы ухаживания, общения и духовного влечения. Не говоря уже о способах телесного наслаждения.

Борение высокого и низкого, происходящее в этот период в Европе, прежде всего проявилось в отношениях между мужчиной и женщиной. С одной стороны, как мы уже сказали, адюльтер становится чуть ли не нормой жизни. С другой – условности морали и придворного этикета часто заставляют женщин скрывать и подавлять свои искренние чувства.

В «Принцессе Клевской» (1678 г.), которую Анатоль Франс назвал «первым французским романом, основанным на правде страстей», рассказывается о судьбе знатной дамы,

самой красивой женщины при королевском дворе, притягивавшей восторженные мужские взоры. Особо пылкой любовью к ней проникся некий герцог Немурский, считавшийся самым безупречным кавалером королевства. То есть покорителем женских сердец и великолепным любовником. Полюбив, наконец, по-настоящему, он превращается в робкого воздыхателя. Но принцесса Клевская, как все женщины, быстро понимает, что тот страстно в нее влюблен. Мало того, она проникается к нему встречным пылким чувством. Но далее происходит нечто странное. Дабы найти в себе силы противостоять нахлынувшему на нее чувству, эта дама не придумывает ничего лучшего, как поделиться своими страхами с мужем. Она признается ему, что очень боится герцога и самое себя и просит поддержать ее в этой борьбе с искушением. Муж успокаивает и утешает ее как может. На этом первая часть драмы заканчивается. А дальше происходит то, что и должно было произойти. Герцог Немурский, одолеваемый неутоленной страстью, продолжает все более настойчиво оказывать знаки внимания объекту своей любви, а муж, после исповеди супруги уже настроенный определенным образом, начинает ее безумно ревновать и видеть в этих знаках приметы состоявшейся измены. Поскольку он очень любит свою жену, то, не выдержав, видно, подобной нервотрепки, вскорости умирает. Третья часть этой драматической истории напоминает финал «Евгения Онегина», но в еще более форсированном варианте. Вдова остается верной даже мертвому супругу, которого она к тому же никогда не любила. То есть оплатой добродетели нашей героини стали смерть ее мужа и отчаяние ее несостоявшегося любовника. Да и ее личное счастье тоже было принесено на алтарь все той же абстрактной добродетели, а скорее, гордыни этой дамы. История принцессы Клевской лишь один раз свидетельствует о том, что многим женщинам высшего света в ту пору свойственно преклонение перед внешними приличиями и что торжество условностей и этикета тогда доводилось порой, как в данной истории, до героизма самопожертвования.

Эта же мода на внешние приличия и морализаторство приводит в XVIII в. к десексуализации всех сфер жизни и культуры. В литературе доминирует направление, получившее название сентиментализм. Писатели в это время акцентируют внимание на любых чувствах, ощущениях, впечатлениях. Кроме откровенно эротических. Художники той поры рисуют галантные сцены, в которых все изящно, прикрито, а отношения между мужчиной и женщиной показываются косвенно, обозначаясь лишь легким намеком. Подхвативший эти настроения романтизм, которым пронизано искусство начала XIX века, начинает трактовать любовь и вообще отношения полов как нечто возвышенно-мистическое. Поэты-романтики стремятся соединить духовное и чувственное. Любовь земная, плотская соединяется с обожанием женщины, которую хочется боготворить. Однако поэтическая экзальтированность при этом все же явно доминирует. Вплоть до конца XIX века цензура продолжает бдительно следить за тем, чтобы никакие «вольности», связанные с чувственной стороной любви, не проникали на страницы художественной литературы. Ставшая классикой литературы «Манон Леско», написанная аббатом Прево, неоднократно запрещалась к публикации. Немало неприятностей с цензурой пережили Вольтер, Руссо и Беранже. А по поводу своей знаменитой «Мадам Бовари» Флобер должен был оправдываться на суде, доказывая, что книга его вовсе не оскорбляет целомудрие и нравственность читателя.

Женщины в XIX веке

О женщинах XIX века каждый из нас что-нибудь да знает – из литературы, живописи или, на худой конец, из фильмов с героями той поры. Девятнадцатое столетие во многом стало переломным в жизни европейского общества. Это век капитализации, индустриализации, модернизации, в общем, бурного развития всего хорошего и плохого. Естественно, это не могло не затронуть общественную и частную жизнь.

Во-первых, происходят изменения в привычных трудовых функциях мужчин и женщин. Если крестьяне-земледельцы, составлявшие в то время большинство населения во всех европейских странах и в России, еще сохраняют старый уклад жизни и четкое разделение мужских и женских занятий, то уже деревенские надомные текстильные промыслы значительно изменяют привычные представления о разделении труда. В семьях ткачей мужчина работает прядильщиком, женщина чистит основу, а дети наматывают нити. Могло быть и наоборот – женщины сидели за прялкой, а мужчины и работоспособные сыновья не только работали в поле, но и готовили пищу и выполняли другую домашнюю работу. Хотя, надо сказать, и тут мужчины старались монополизировать наиболее выгодную, хорошо оплачиваемую работу. В самом первом снятом братьями Люмьер в 1895 году киноролике, который именуется «Выход рабочих с фабрики», нетрудно заметить, что подавляющее большинство контингента – женщины. Это потому, что на этой фабрике, принадлежащей Люмьерам, производились различные фотоматериалы, то есть работа не требовала труд особых физических усилий. Почти что все работницы довольно прилично одеты и все носят шляпки разнообразных фасонов (в ту пору у парижанок была повальная мода на шляпки), то есть они зарабатывают на жизнь своим трудом и стараются походить на дам, стоящих на более высоких социальных ступенях. Что же касается буржуазной семьи, то здесь женщина остается по-прежнему в рамках частной сферы, в то время как мужчина живет преимущественно в мире внешнем. В словаре Брокгауза за 1815 г. именно так, без всяких там обиняков, и написано: "Мужчина должен добывать, а женщина старается сохранить; мужчина – силой, а женщина – добротой или хитростью. Этот принадлежит шумной общественной жизни, а та – тихому домашнему кругу. Мужчина трудится в поте лица своего и, устав, нуждается в глубоком покое; женщина вечно в хлопотах, в никогда не затихающих стараниях. Мужчина сопротивляется судьбе и даже будучи повержен, всё равно не сдаётся; покорно склоняет женщина голову и только в слезах находит она помощь и утешение".

Сразу видно, что подобные сентенции написаны мужчиной.

Для горожанок семья по-прежнему оставались единственным общественным предназначением (за исключением монастырей и публичных домов). При этом сохранились и все старые условности. Женщина, как и прежде, должна была беречь девственность до брака, в то время как мужчине позволялось и даже рекомендовалось приобрести до свадьбы некоторый сексуальный опыт. По-прежнему морализаторы и некоторые светила науки отказывали женщине в интеллекте и ее способности к сексуальным переживаниям. Зато мужчины не теряли времени даром и всячески развивали свои сексуальные фантазии. Именно в это время начинает бурно развиваться рынок эротической литературы, который со временем приведет Запад к "эротизации культуры". Однако параллельно с существованием традиционных устоев в XIX веке начинает прорастать то, что в следующем столетии получит уже широкое распространение. Все чаще можно видеть активное проявление женского самосознания. Женщин теперь можно встретить в сферах деятельности, которые всегда считались сугубо мужскими. Например, в ряде европейских стран, женщины в это время составляют неотъемлемую часть армии. Это проститутки, маркитантки, женщины-солдаты, а также любовницы, последовавшие за своими возлюбленными на войну. Во французской армии, самой многочисленной была, конечно, первая из перечисленных выше категорий дамского контингента. Но было немало примеров и того, как женщины, подобно Жанне д'Арк, выступали в качестве солдат, то есть с оружием в руках. Вероятно, это были всё же дамы особого сорта, в которых достаточно сильно проявлялось мужское начало.

Если в фильме «Давным-давно» Шурочка Азарова, прообразом которой явилась кавалерист-девица Надежда Дурова, – очаровательна и изящна, то реальная Дурова была женщиной крепкого сложения и без всяких сантиментов. В детстве она получила мужское воспитание, что в известной мере повлияло на ее дальнейшее поведение. Выйдя в отставку после войны с французами, она до старости ходила в мужском костюме, все письма подписывала фамилией

Александров, говорила о себе в мужском роде и страшно сердилась, когда к ней обращались как к женщине.

Вербуясь в рекруты европейских армий, подобного рода дамы быстренько забывали свои женские пристрастия и в военном костюме практически не отличались от солдат-мужчин. Одной из самых известных женщин-солдат наполеоновской эпохи была Мария-Тереза Фигёр по прозвищу «мадам Сан-Жен» (мадам Бесцеремонность). Кстати, о ней так же, как о нашей Н. Дуровой, французами была написана пьеса. Другая тоже хорошо известная во Франции женщина-солдат, бельгийка Мария-Жанна Шеллинк сделала настоящую военную карьеру. Как и другие женщины такого склада характера, она выдала себя за мужчину и пошла вслед за мужем в наполеоновскую армию. Дослужилась до звания младшего лейтенанта и вместе с хорошей пенсией получила крест шевалье ордена Почетного легиона, который ей лично вручил император, бросив при этом реплику в сторону офицеров: «Господа! Склоните головы перед этой храброй женщиной!» Женщины также брались за оружие и вставали в ряды «защитников свободы». Так, на одной из революционных гравюр с изображением женщины с пикой, стояла надпись: «Мы также научимся сражаться и умирать, как и мужчины, и докажем, что умеем обращаться не только с веретеном и иголкой...». Ну, и кто из нас не знает знаменитую картину Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах»!

Но обратимся к более привычному для женщины фону – мирной жизни. И опять-таки остановимся лишь на некоторых фигурах, выделявшихся либо своим статусом, либо необычной для женщин того времени профессией, либо необычными взглядами. Ограничимся мы одной лишь Францией, поскольку именно Великая Французская революция 1789 года форсировала многие общественные, политические и экономические процессы. Прежде всего, отметим влияние наиболее выдающихся женщин на общественное сознание, в частности, на формирование ими своего рода кружков, способствовавших созданию интеллектуальной и духовной элиты общества. Речь идет о так называемых салонах, гостеприимными хозяйками которых были красивые, умные и талантливые женщины. В таких салонах собирались люди науки, искусства и политики и вели беседы на самые разные темы. Именно здесь нередко зарождались веяния и направления, влиявшие на развитие литературы, искусства и общества в целом. (В какой-то мере это можно сравнить с тем, как в античности в доме выдающихся гетер собирались люди искусства, философы, политики). Во Франции первые салоны появились еще в конце XVI-начале XVII вв., но тогда они носили исключительно литературный характер, в известной мере напоминая нынешние ток-шоу, но с более изысканной и более остроумной публикой. С восемнадцатого же века салоны становятся и своего рода сферой, в которой происходит кристаллизация новых политических идей. А к концу XVIII века эти салоны уже начинают походить на революционные клубы. Упомянем здесь имя лишь одной дамы, чей салон оказал весьма значительное влияние на общественную жизнь Франции. Это мадам Рекамье, салон которой был моден в конце XVIII-начале XIX вв. и фактически представлял собой интеллектуальный центр [Парижа](#). Рекамье, можно сказать, была «звездой» европейского масштаба, о которой говорили во всех европейских странах и в России.

Обаяние и красота мадам Рекамье, её ум и передовые политические взгляды привлекали к ней в салон множество известных людей того времени. Рекамье никогда не скрывала своего оппозиционного отношения к власти, а именно к правлению Наполеона Бонапарта, в результате чего салон ее неоднократно закрывался. Тем не менее, она благополучно пережила тревожные для нее времена и дожила до глубокой старости. В обаятельную красавицу были влюблены выдающиеся мужчины того времени, и многие художники писали ее портрет. Наиболее известен портрет мадам Рекамье кисти Жана Луи Давида, на котором она возлежит на созданной по ее проекту кушетке, которую потом так стали и называть – рекамье. Салоны существовали и в других странах Европы, но не носили такой общественно-политической направленности, как во Франции. В России душой и, как бы мы сегодня сказали, организующим центром

салонов также были выдающиеся женщины, вокруг которых группировались литературные и общественные деятели: это С. Д. Пономарева, А. П. Елагина, баронесса Э. Ф. Раден, великая княгиня Елена Павловна и др.

Другим значительным прорывом женщин XIX века на традиционно мужскую территорию стало появление в Европе выдающихся писательниц. Прежде всего, это мадам де Сталь. Именно она значительно продвинула идею женской эмансипации. Именно после романов г-жи де Сталь, имевших громкий успех, о женщине стали говорить как о личности, которая нуждается в раскрепощении.

Следом за де Сталь появляется другая французская писательница – Жорж Санд, которая не только своим творчеством, но и всей своей жизнью сумела доказать, что женщина может играть значительную роль в общественной, культурной и политической жизни. Недаром В. Белинский назвал эту романистку "гениальной женщиной", "первой поэтической славой современного мира". Подробней об этой замечательной женщине будет сказано чуть позже. Можно еще назвать английских сестер Бронте и других известных писательниц и художниц века, которые показали, что женщина имеет такие же способности к творчеству, как и мужчина. И, наконец, женщины XVIII и XIX вв. лишней раз показали, что могут быть замечательными политиками и правителями. О наших царицах – Елизавете и Екатерине Великой мы знаем достаточно много, поэтому остановимся вкратце на царствовании английской королевы Виктории, поскольку ее правление длилось довольно долго и вошло в историю под названием «викторианская эпоха». (Попутно припомним некоторых из правительниц предыдущих эпох, поскольку они оказались как-то вне зоны нашего внимания – Марию и Елизавету Тюдор (Англия), Марию Стюарт (Шотландия), Екатерину Медичи и Анну Австрийскую (Франция).

Итак, 20 июня 1837 года после смерти короля Вильяма IV на английский престол вошла его племянница Виктория, которой суждено будет стать родоначальницей правящего в Британии и поныне Дома Виндзоров. Напомним, что до Виктории на английском троне уже более ста лет не было женщин. Поэтому ее коронацию английская элита встретила скептически. Но прошло совсем немного времени, и молодая королева дала понять, что она кое-что понимает в политике и что без ее участия не стоит принимать ни одного важного решения. В своих посланиях правительству она не раз, причем в весьма резком тоне, напоминала, что в случае нарушения ее права быть посвященной во все важные дела министры рискуют оказаться «удаленными от должности». К сожалению, по отношению к России королева Виктория внесла ту ноту недоверия и недоброжелательства, которая будет доминирующей в британской политике многие и многие годы. Будучи активной сторонницей доктрины расширения территорий, подвластных Англии, она использовала для достижения этой цели все возможные средства, включая хитрость, подкуп, силовой нажим и натиск. В результате в 1875 году Британия получает основной пакет акций Суэцкого канала. В следующем году заморские владения «владычицы море» пополняются Индией – главной жемчужиной в британской короне. Напуганная успехами России в войне с Турцией 1877-1878 гг., Виктория идет на конфликт с Россией и направляет суда к Дарданеллам, в результате чего, после массивного нажима европейских стран на Берлинском конгрессе, Россия вынуждена отступить от своих планов. Не любившая модных мероприятий, королева всегда являлась народу в окружении большой семьи, и англичане видели в этой седой к этому времени женщине с расплывшимися чертами лица не просто мать семейства, а мать всей нации. Еще бы – десятилетия ее правления сплотили народ, превратили страну в империю и значительно продвинули вперед. Смерть королевы в 1901 году англичане восприняли как катастрофу – настолько она ассоциировалась у них со стабильностью и уверенностью в будущем. Викторианская эпоха осталась для англичан эпохой расцвета конституционной монархии, что вероятно, больше всего и подходит этой стране.

Женщина в новые времена

Итак, как можно было видеть, в течение многих столетий женщина находилась в зависимости от мужчины. Порой это было полурабское, иногда полувассальное состояние. Мужчина мог запросто завладеть женщиной силой. Достаточно припомнить историю про сабинянок, которых насильно похитили первые римляне. С помощью хитрости и коварства эти квириды заманили в гости наивных мужчин-сабинян, потом вышвырнули их вон, а их дочерей и жен растащили по домам. Потом, правда, они все помирились и породнились, поскольку большинство сабинянок приглянулись их похитители, но факт остается фактом.

Двадцатый век во многом изменил отношения женщин и мужчин. Конечно, мужчина мог, как и прежде, поработить женщину экономически (на этом и по сию пору держится большинство буржуазных браков), увлечь тем, что обладает властью или талантом. Но большинство женщин с каждым десятилетием минувшего столетия ощущали, как их жизнь меняется по мере развития демократических процессов. И это было связано не только с борьбой за национальное и социальное равноправие. В это время женщины во многих странах поднимают голову и начинают настаивать на том, что они должны иметь такие же права, как и мужчины. Не будем здесь останавливаться подробно на движении суфражисток (от англ. *suffrage* – избирательное право). Повторим только вечную мысль о том, что первым всегда приходится труднее всего. Что только не делали эти героические женщины конца XIX – начала XX века, по сравнению с которыми нынешние оголяющиеся в разных странах дамы из движения «фемин» – просто мелкие озорницы! Если верить свидетельствам очевидцев, наиболее энергичные суфражистки, чтобы привлечь внимание к проблеме, били витрины, поджигали дома и даже церкви, пытались что-то взорвать, кончали жизнь самоубийством, не говоря уже о голодовках и многочисленных демонстрациях. Началось это движение в старой доброй викторианской Англии (вот уж поистине «в тихом омуте черти водятся»), потом перекинулось в Ирландию, а затем в иные англоязычные страны. Противодействие общества соответствовало действиям борющихся за равноправие дам. Их сажали в тюрьму, объявляли сумасшедшими, пламенные их речи осмистывали и вообще советовали им тихо сидеть дома и заниматься кухней и детьми. Но, как говорится, капля камень точит. Уже в конце XIX века в Новой Зеландии женщины получают право голосовать на выборах. А в начале следующего столетия несколько женщин даже были избраны в парламент Финляндии. Но в остальных странах женщинам пришлось бороться за свои гражданские права еще не один десяток лет. В конечном итоге это принесло свои плоды, и можно сказать, что сегодня в большинстве стран провозглашено гендерное равенство. Но одно дело провозгласить равноправие, а другое – воплотить его на практике. Ведь пока женщины сидели дома или в гаремах, занимались домашним хозяйством и пестованием детей, мужчины двигали вперед науку и технику, совершенствовали искусства, преуспевали в бизнесе и прочих отраслях человеческой деятельности. В ряде языков слово, обозначающее такое понятие, как «мужчина», одновременно имеет и более общее значение – «человек» (*homme* – во французском, *Mann* – в немецком, *man* – в английском, *чоловік* – в украинском и т.д.). Это говорит, во-первых, о том, что понятия, термины и обозначения придумывали в основном мужчины, а во-вторых, – о том, что мужчина воспринимался обществом как полноценный человек, а женщина – в лучшем случае, тоже как человек, но с определенными оговорками.

Начало XX века было ознаменовано не только социальными потрясениями, но и сексуальной революцией. В это время прокламируется полная свобода от матримониальных обязательств и вообще от морали. То, что вчера воспринималось как нечто аморальное и оскорбляющее общественную нравственность, у определенной части интеллигенции и у многих «продвинутых» дам становится делом обычным и достаточно распространенным. Поскольку уж мы принялись апеллировать примерами из жизни известных личностей, то и тут дадим им

слово. Вот как рассуждала небезызвестная Лиля Брик, любившая одновременно Маяковского и своего мужа Осипа (а также попутно увлекавшаяся другими особами мужского пола): «Я любила, люблю и буду любить Осю больше чем брата, больше чем мужа, больше чем сына. Про такую любовь я не читала ни в каких стихах, ни в какой литературе... Эта любовь не мешала моей любви к Володе. Наоборот: возможно, что если бы не Ося, я любила бы Володю не так сильно. Я не могла не любить Володю, если его так любил Ося». Так они и жили долгое время втроем, одной, можно сказать, семьей. В марте 1919 года «семья» переезжает в Москву и живет в маленькой комнате площадью в 12 кв.м. Правда, через год жизнь становится чуть лучше – они переезжают в другую квартиру, где уже занимают две комнаты. Маяковский, чувства которого к Лиле, судя по всему, были искренни и глубоки, естественно страдает от постоянных увлечений своей «гражданской жены». На что Лилия замечает философски: «Страдать Володе полезно, он помучается и напишет хорошие стихи». То есть ее измены идут только на пользу отечественной литературы. В 1922 году Маяковский и Лилия, изрядно помучив друг друга, по обоюдному согласию все же расстаются. Но через два месяца все начинается сызнова... И таких примеров «жизни втроем» в ту пору немало. В 1927 года газета «Известия» писала: «Во время проведения переписи населения в Москве были установлены многочисленные случаи полигамии и полиандрии. Две и даже три женщины нередко называли одного мужчину в качестве своего супруга».

В конце 1920-х годов был даже снят фильм «Третья мещанская», рассказывающий о том, как молодой человек, поселившийся у своего друга, влюбляется в жену последнего и как после недолгого выяснения отношений, они решают отбросить буржуазные предрассудки и жить втроем одной семьей. То есть некоторые представители революционной России как бы вернулись на время к доисторическому стилю сексуального партнерства. Правда, вскоре эта сексуальная вольница закончится. Строитель пролетарского государства И.В. Сталин оказался приверженцем многих традиционных ценностей того общества, что было уничтожено его энергичными соратниками по борьбе за народное счастье. Он хорошо понимал, что порядок в стране начинается с порядка в семейных отношениях.

С 1930-х годов начинается активная пропаганда крепкой советской семьи. Последователи отца народов и лучшего друга физкультурников доводят эту идею, впрочем, как и многие другие идеи, до полного абсурда. Особенно строго партийные начальники начинают относиться к «моральному облику» членов партии. Развод для партийца с этих пор считается одним из тяжких грехов. Расхожий анекдот тех времен. На члена партии поступила жалоба в партком от его родной жены по поводу того, что он уклоняется от исполнения супружеских обязанностей. Оправдываясь, бедолага говорит, потупившись: «Я не могу исполнять эти обязанности, по той причине, что я импотент». На что секретарь партиячейки замечает строго: «Прежде всего ты – коммунист, а потом уже импотент». Но если говорить серьезно, то речь в данном случае идет фактически о возрождении авторитарно-патриархального подхода к отношениям между мужчиной и женщиной. Подавляя естественные сексуальные инстинкты, такого рода идеологии – будь это религиозный догматизм, домостроевский уклад или авторитарное общество в целом, – трактуют здоровое дионисийское начало как нечто греховное, вульгарное и даже грязное и порочное. В результате некоторой частью мужчин и женщин не только распутство, но и нормальное сексуальное чувство начинает восприниматься как похоть и половая распущенность. С другой стороны, подобный перекосяк во взглядах на природу человека часто приводит к обратному эффекту. В силу постоянного подавления биологического начала естественная чувственность у некоторых мужчин нередко заменяется сексуальной грубостью. Закомплексованные же особи женского пола начинают воспринимать половой акт как нечто неизбежное, но непристойное. Впрочем, для основной массы людей, конечно, даже самые строгие запреты и публичные осуждения никогда не могли положить конец внебрачным связям, разводам и

изменам. Просто естественные чувства (опять же, если это настоящее чувство, а не жажда сексуальных приключений) приходится скрывать от чужих глаз.

Конец XX века был ознаменован вторым этапом сексуальной революции. Сексологи, психологи и психотерапевты постарались провести с женской половиной человечества широкую разъяснительную работу, в результате которой женщины со всей ясностью осознали, что они имеют возможность испытывать наслаждение ничуть не в меньшей степени, чем мужчины, причем, благодаря особенностям своего организма, могут делать это гораздо чаще, меняя партнеров в поисках оптимального варианта.

В общем, как пелось в одной песенке той поры,
Ты иди по жизни смело,
И кому какое дело,
Кто тебе в постели нужен, –
Это sexual revolution...

Наш известный философ и сексолог И. Кон тонко подметил, что сексуальная революция – это, прежде всего, женская революция: «Здесь дело не только в социальном равноправии, – говорит он, – но и в сексуальной раскрепощенности. Тут важны и медико-биологические открытия, которые, в частности, заключаются в появлении эффективной контрацепции – она позволяет женщине получать удовольствие, не рискуя нежелательным зачатием».

Но закончим на этом нелирическое отступление по поводу того, как человечество в области сексуальных и семейных отношений шарахается из одной крайности в другую. И вернемся к теме женской эмансипации.

Мудрый А. Франс на заре XX века предупреждал своих современниц: «... На вашем месте я ненавижу бы всех сторонников эмансипации, которые хотят уравнивать вас с мужчиной. Они толкают вас в яму. Что за достижение для вас – сравняться с каким-нибудь адвокатом или аптекарем! Берегитесь: вы уже утратили какую-то частицу вашей загадочности и прелести... Культ ваш угасает вслед за другими старинными культами».

Но энергичные дамы, боровшиеся за равноправие, все подобные призывы, естественно, проигнорировали и продолжали бороться за свои права и свободы. XX век – век суфражизма, феминизма и других форм борьбы за женское равноправие. С виду проблема, как говорил поэт, простая, как мычание. Предоставили женщинам те же права, что и мужикам – и успокоились. Все равны, все довольны. Но дело в том, что одно дела – права, а другое – возможности.

Во-первых, у нормальной, среднестатистической женщины дел и забот всегда больше, чем у среднестатистического мужчины. Если кто-то из мужчин на время отсутствия жены полностью брал на себя ее обязанности – ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и прочее, то понял сполна, сколько времени и сил уходит на все эти заботы. Не у всех же домработницы, няньки и горничные. А подобные бытовые дела и заботы весьма сильно мешают женщине совершенствоваться в профессиональной сфере, расти, как говорится, духовно.

Во-вторых, равные возможности у обоих полов отсутствуют и по причине их различных биологических и психических особенностей. Поэтому, имея даже равные стартовые возможности, женщины оказываются частенько позади мужчин. Понимая, что женщинам в связи с выше высказанными соображениями надо давать фору, некоторые страны ввели аффирмацию.

Если кто помнит, во времена Советского Союза при приеме в вузы определенное количество мест отводилось представителям национальных республик. Они могли сдать на тройки, и все равно этих «целевиков» нередко зачисляли. Точно так же дело обстоит с этой самой аффирмацией: женщины в некоторых западных странах получили определенные льготы при приеме на учебу и на работу. Получить-то они получили, но, как оказалось, далеко не все женщины, получившие подобную фору, потом догоняют мужчин в интеллектуальном и профессиональном плане. Потому что у представителей разных полов разные возможности проявить себя в определенных профессиях. Скажем, если в профессиях, требующих меньшего интел-

лектуального напряжения и творческого прорыва, женщины часто очень хорошо проявляют свои способности, то в сфере высоких технологий, точных наук, искусства талантливых женщин гораздо меньше, чем мужчин. И вовсе не из-за того, что мужчины их туда стараются не допускать. По крайней мере, пока что дело чаще всего обстоит так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.